

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева

«Так, от века здесь, на земле, до века...»
Так, от века здесь, на земле, до века,

И опять, и вновь

Суждено невинному человеку –

Воровать любовь.

По камням гадать, оступаться в лужи

.....

Сторожа часами – чужого мужа,

Не свою жену.

Счастье впроголодь? у закона в пасти!

Без свечей, печей...

О несчастное городское счастье

Воровских ночей!

У чужих ворот – не идут ли следом? –

Поцелуи красть...

– Так растет себе под дождем и снегом

Воровская страсть...

29 сентября 1916

«И не плача зря...»

И не плача зря

Об отце и матери – встать, и с Богом

По большим дорогам

В ночь – без собаки и фонаря.

Воровская у ночи пасть:

Стыд поглотит и с Богом тебя разлучит.

А зато научит

Петь и, в глаза улыбаясь, красть.

И кого-то звать

Длинным свистом, на перекрестках черных,

И чужих покорных

Жен под деревьями целовать.

Наливается поле льдом,
Или колосом – все по дорогам – чудно!
Только в сказке – блудный
Сын возвращается в отчий дом.

10 октября 1916

ЕВРЕЯМ
Кто не топтал тебя – и кто не плавил,
О купина неопалимых роз!
Единое, что на земле оставил
Незыблемого по себе Христос:

Израиль! Приближается второе
Владычество твое. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: Герои!
Предатели! – Пророки! – Торгаши!

В любом из вас, – хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке –
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матфее, Иоанне и Луке.

По всей земле – от края и до края –
Распятие и снятие с креста
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа!

13 октября 1916

«Целую червонные листья и сонные рты...»
Целую червонные листья и сонные рты,
Летящие листья и спящие рты.
– я в мире иной не искала корысти. –
Спите, спящие рты,
Летите, летящие листья!

17 октября 1916

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Погоди, дружок...»
Погоди, дружок!

Не довольно ли нам камень городской толочь?

Зайдем в погребок,

Скоротаем ночь.

Там таким – уют,

Там целуются и пьют, вино и слезы льют,

Там песни поют,

Пить и есть дают.

Там в печи – дрова,

Там тихонечко гуляет в смуглых пальцах нож.

Там и я права,

Там и ты хорош.

Там одна – темней

Темной ночи, и никто-то не подсядет к ней.

Ох, взгляд у ней!

Ох, голос у ней!

22 октября 1916

«Кабы нас с тобой да судьба свела...»

Кабы нас с тобой да судьба свела –

Ох, веселые пошли бы по земле дела!

Не один бы нам поклонился град,

Ох мой родный, мой природный, мой безродный брат!

Как последний сгас на мосту фонарь –

я кабацкая царица, ты кабацкий царь.

Присягай, народ, моему царю!

Присягай его царице, – всех собой дарю!

Кабы нас с тобой да судьба свела,

Поработали бы царские на нас колокола!

Поднялся бы звон по Москве-реке

О прекрасной самозванке и ее дружке.

Нагулявшись, наплясавшись на шальном пиру,

Покачались бы мы, братец, на ночном ветру..
И пылила бы дороженька – бела, бела, –
Кабы нас с тобой – да судьба свела!

25 октября 1916

«Каждый день все кажется мне: суббота...»
Каждый день все кажется мне: суббота!

Зазвонят колокола, ты войдешь.

Богородица из золотого киота

Улыбнется, как ты хорош.

Что ни ночь, то чудится мне: под камнем
я, и камень сей на сердце – как длань.
И не встану я, пока не скажешь, пока мне
Не прикажешь: Девица, встань!

8 ноября 1916

«Словно ветер над нивой, словно...»
Словно ветер над нивой, словно

Первый колокол – это имя.

О, как нежно в ночи любовной

Призывать Элоима!

Элоим! Элоим! В мире

Полночь, и ветры стихли.

К невесте идет жених.

Благослови

На дело любви

Сирот своих!

Мы песчинок морских бесследней,

Мы бесследней огня и дыма.

Но как можно в ночи последней

Призывать Элоима!

11 ноября 1916

«Счастье или грусть...»
Счастье или грусть –

Ничего не знать наизусть,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

В пышной тальме катать бобровой,
Сердце Пушкина теревить в руках,
И прослыть в веках –
Длиннобровой,
Ни к кому не суровой –
Гончаровой.

Сон или смертный грех –
Быть как шелк, как пух, как мех,
И, не слыша стиха литого,
Процветать себе без морщин на лбу.
Если грустно – кусать губу
И потом, в гробу,
Вспоминать – Ланского.

11 ноября 1916

«Через снега, снега...»
Через снега, снега –
Слышишь голос, звучащий еще в Эдеме?
Это твой слуга
С тобой говорит, Господин мой – Время.

Черных твоих коней
Слышу топот.
Нет у тебя верней
Слуги – и понятливей ученицы.

Рву за цветком цветов,
И целует, целует мой рот поющий.
– О бытие! Глоток
Горячего грога на сон грядущий!

15 ноября 1916

«По дорогам, от мороза звонким...»
По дорогам, от мороза звонким,
С царственным серебряным ребенком
Прохожу. Всё – снег, всё – смерть, всё – сон.

На кустах серебряные стрелы.
Было у меня когда-то тело,
Было имя, – но не все ли – дым?

Голос был, горячий и глубокий..
Говорят, что тот голубоокий,
Горностаевый ребенок – мой.

И никто не видит по дороге,
Что давным-давно уж я во гробе
Досмотрела свой огромный сон.

15 ноября 1916

«Рок приходит не с грохотом и громом...»
Рок приходит не с грохотом и громом,

А так: падает снег,
Лампы горят. К дому
Подошел человек.
Длинной искрой звонок вспыхнул.
Взошел, вскинул глаза.
В доме совсем тихо.
И горят образа.

16 ноября 1916

«Я ли красному как жар киоту...»
Я ли красному как жар киоту
Не молилась до седьмого поту?
Гость субботний, унеси мою заботу,
Уведи меня с собой в свою субботу.

Я ли в день святого Воскресенья
Путру не украшала сени?
Нету для души моей спасенья,
Нету за субботой воскресенья!

я ль свечей не извожу по сотням?
Третью полночь воеет в подворотне
Пес захожий. Коли душу отнял –

Отними и тело, гость субботний!

21 ноября 1916

«Ты, мерящий меня по дням...»
Ты, мерящий меня по дням,
Со мною, жаркой и бездомной,
По распаленным площадям –
Шатался – под луной огромной?

И в зачумленном кабаке,
Под визг неистового вальса,
Ломал ли в пьяном кулаке
Мои пронзительные пальцы?

Каким я голосом во сне
Шепчу – слышал? – О, дым и пепел! –
Что можешь знать ты обо мне,
Раз ты со мной не спал и не пил?

7 декабря 1916

«Я бы хотела жить с Вами...»
...Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.
И в маленькой деревенской гостинице –
Тонкий звон
Старинных часов – как капельки времени.
И иногда, по вечерам, из какой-нибудь мансарды –
Флейта,
И сам флейтист в окне.
И большие тюльпаны на окнах.
И может быть, Вы бы даже меня любили...

Посреди комнаты – огромная изразцовая печка,
На каждом изразце – картинка:
Роза – сердце – корабль. –

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
А в единственном окне –

Снег, снег, снег.

Вы бы лежали – каким я Вас люблю: ленивый,
Равнодушный, беспечный.
Изредка резкий треск
Спички.

Папироса горит и гаснет,
И долго–долго дрожит на ее краю
Серым коротким столбиком – пепел.
Вам даже лень его стряхивать –
И вся папироса летит в огонь.

10 декабря 1916

«По ночам все комнаты черны...»
По ночам все комнаты черны,
Каждый голос темен. По ночам
Все красавицы земной страны
Одинаково – невинно – неверны.

И ведут друг с другом разговоры
По ночам красавицы и воры.

Мимо дома своего пойдешь –
И не тот уж дом твой по ночам!
И сосед твой – странно–непохож,
И за каждую спиною – нож.

И шатаются в бессильном гневе
Черные огромные деревья.

Ох, узка подземная кровать
По ночам, по черным, по ночам!

Ох, боюсь, что буду я вставать,
И шептать, и в губы целовать...

– Помолитесь, дорогие дети,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
За меня в час первый и в час третий.

17 декабря 1916

«По ночам все комнаты черны...»
Так, одним из легких вечеров,
Без принятия Святых Даров,
– Не хлебнув из доброго ковша! –
Отлетит к тебе моя душа.
Красною причастной теплотой
Целый мир мне был горячий твой.
Мне ль дары твои вкушать из рук
Раззолоченных, неверных слуг?

Ртам и розам – разве помнит счет
Взгляд <бессонный> мой и грустный рот?
– Радостна, невинна и тепла
Благодать твоя в меня текла.

Так, тихонько отведа потир,
Отлетит моя душа в эфир –
Чтоб вечерней славе облаков
Причастил ее вечерний ковш.

1 января 1917

«Мне ль, которой ничего не надо...»
Мне ль, которой ничего не надо,
Кроме жаркого чужого взгляда,
Да янтарной кисти винограда, –
Мне ль, заласканной до тла и всласть,
Жаловаться на тебя, о страсть!

Все же в час как леденеет твердь
Я мечтаю о тебе, о смерти,
О твоей прохладной благодати –
Как мечтает о своей кровати
Человек, уставший от объятий.

1 января 1917

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«День идет...»
День идет.

Гасит огни.

Где-то взревел за рекою гудок фабричный.

Первый

колокол бьет.

Ох!

Бог, прости меня за него, за нее,
за всех!

8 января 1917

«Мировое началось во мгле кочевье...»
Мировое началось во мгле кочевье:

Это бродят по ночной земле – деревья,
Это бродят золотым вином – грозди,
Это странствуют из дома в дом – звезды,
Это реки начинают путь – вспять!
И мне хочется к тебе на грудь – спать.

14 января 1917

«Только закрою горячие веки...»
Только закрою горячие веки –

Райские розы, райские реки...

Где-то далече,

Как в забыты,

Нежные речи

Райской змеи.

И узнаю,

Грустная Ева,

Царское древо

В круглом раю.

20 января 1917

«Милые спутники, делившие с нами ночлег...»
Милые спутники, делившие с нами ночлег!

Версты, и версты, и версты, и черствый хлеб...

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Рокот цыганских телег,

Вспять убегающих рек –
Рокот...

Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре
Помните жаркое ржанье и степь в серебре?
Синий дымок на горе,
И о цыганском царе –
Песню...

В черную полночь, под пологом древних ветвей,
Мы вам дарили прекрасных – как ночь – сыновей,
Нищих – как ночь – сыновей..
И рокотал соловей –
Славу...

Не удержали вас, спутники чудной поры,
Нищие неги и нищие наши пиры.
Жарко пылали костры,
Падали к нам на ковры –
Звезды...

29 января 1917

«У камина, у камина...»
У камина, у камина
Ночи коротаю.
Все качаю и качаю
Маленького сына.

Лучше бы тебе по Нилу
Плыть, дитя, в корзине!
Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне.

Царский сон оберегая,
Затекли колена.
Ночь была... И ночь другая
Ей пришла на смену.

Так Агарь в своей пустыне

Шепчет Измаилу:

«Позабыл отец твой милый

О прекрасном сыне!»

Дорастешь, царек сердечный,

До отцовской славы,

И поймешь: недолговечны

Царские забавы!

И другая, в час унылый

Скажет у камина:

«Позабыл отец твой милый

О прекрасном сыне!»

2 февраля 1917. Сретение

«Август – астры...»

Август – астры,

Август – звезды,

Август – грозди

Винограда и рябины

Ржавой – август!

Полновесным, благосклонным

Яблоком своим имперским,

Как дитя, играешь, август.

Как ладонью, гладишь сердце

Именем своим имперским:

Август! – Сердце!

Месяц поздних поцелуев,

Поздних роз и молний поздних!

Ливней звездных

Август! – Месяц

Ливней звездных!

7 февраля 1917

ДОН-ЖУАН

1. «На заре морозной...»
На заре морозной

Под шестой березой
За углом у церкви
Ждите, Дон-Жуан!

Но, увы, клянусь вам
Женихом и жизнью,
Что в моей отчизне
Негде целовать!

Нет у нас фонтанов,
И замерз колодец,
А у богородиц –
Строгие глаза.

И чтобы не слышать
Пустяков – красоткам,
Есть у нас презвонкий
Колокольный звон.

Так вот и жила бы,
Да боюсь – состарюсь,
Да и вам, красавец,
Край мой не к лицу.

Ах, в дохе медвежьей
И узнать вас трудно,
Если бы не губы
Ваши, Дон-Жуан!

19 февраля 1917

2. «Долго на заре туманной...»
Долго на заре туманной

Плакала метель.
Уложили Дон-Жуана
В снежную постель.

Ни гремучего фонтана,
Ни горячих звезд..
На груди у Дон-Жуана
Православный крест.

Чтобы ночь тебе светлее
Вечная – была,
Я тебе севильский веер,
Черный, принесла.

Чтобы видел ты воочью
Женскую красу,
Я тебе сегодня ночью
Сердце принесу.

А пока – спокойно спите!..
Из далеких стран
Вы пришли ко мне. Ваш список –
Полон, Дон-Жуан!

19 февраля 1917

3. «После стольких роз, городов и тостов...»
После стольких роз, городов и тостов –

Ах, ужель не лень
Вам любить меня? Вы – почти что остов,
Я – почти что тень.

И зачем мне знать, что к небесным силам
Вам взывать пришлось?
И зачем мне знать, что пахнуло – Нилом
От моих волос?

Нет, уж лучше я расскажу Вам сказку:
Был тогда – январь.
Кто-то бросил розу. Монах под маской
Проносил фонарь.

Чей-то пьяный голос молил и злился

У соборных стен.

В этот самый час Дон-Жуан Кастильский

Повстречал – Кармен.

22 февраля 1917

4. «Ровно – полночь...»

Ровно – полночь.

Луна – как ястреб.

– Что – глядишь?

– Так – гляжу!

– Нравлюсь? – Нет.

– Узнаешь? – Быть может.

– Дон-Жуан я.

– А я – Кармен.

22 февраля 1917

5. «И была у Дон-Жуана – шпага...»

И была у Дон-Жуана – шпага,

И была у Дон-Жуана – Донна Анна.

Вот и все, что люди мне сказали

О прекрасном, о несчастном Дон-Жуане.

Но сегодня я была умна:

Ровно в полночь вышла на дорогу,

Кто-то шел со мною в ногу,

Называя имена.

И белел в тумане посох странный...

– Не было у Дон-Жуана – Донны Анны!

14 мая 1917

6. «И падает шелковый пояс...»

И падает шелковый пояс

К ногам его – райской змеей...

А мне говорят – успокоюсь

Когда-нибудь, там, под землей.

Я вижу надменный и старый

Свой профиль на белой парче.

А где-то – гитаны – гитары –

И юноши в черном плаще.

И кто-то, под маскою кроясь:

– Узнайте! – Не знаю. – Узнай!–

И падает шелковый пояс

На площади – круглой, как рай.

14 мая 1917

7. «И разжигая во встречном взоре...»
И разжигая во встречном взоре

Печаль и блуд,

Проходишь городом – зверски-черен,

Небесно-худ.

Томленьем застланы, как туманом,

Глаза твои.

В петлице – роза, по всем карманам –

Слова любви!

Да, да. Под вой ресторанной скрипки

Твой слышу – зов.

Я посылаю тебе улыбку,

Король воров!

И узнаю, раскрывая крылья –

Тот самый взгляд,

Каким глядел на меня в Кастилье –

Твой старший брат.

8 июня 1917

«И сказал Господь...»

И сказал Господь:

– Молодая плоть,

Встань!

И вздохнула плоть:

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Не мешай, Господь,

Спать.

Хочет только мира

Дочь Иаира. –

И сказал Господь:

– Спи.

Март 1917

«Уж и лед сошел, и сады в цвету...»
Уж и лед сошел, и сады в цвету.

Богородица говорит сынку:

– Не сходить ли, сынок, сегодня мне
В преисподнюю?

Что за грех такой?

Видишь, и день какой!

Пусть хоть нынче они не злобятся
В мой субботний день, Богородицын!

Повязала Богородица – белый плат:

– Ну, смотри, – ей молвил сын. – Ты ответчица!

Увязала Богородица – целый сад
Райских розанов – в узелочке – через плечико.

И идет себе,

И смеется вслух.

А навстречу ей

Реет белый пух

С вишен, с яблонь...

(Не окончено. жаль). Март 1917

«Над церковкой – голубые облака...»
Над церковкой – голубые облака,

Крик вороний...

И проходят – цвета пепла и песка –

Революционные войска.

Ох ты барская, ты царская моя тоска!

Нет у лиц у них и нет имен, –
Песен нету!
Заблудился ты, кремлевский звон,
В этом ветреном лесу знамен.
Помолись, Москва, ложись, Москва, на вечный сон!

Москва, 2 марта 1917

ЦАРЮ – НА ПАСХУ
Настежь, настежь

Царские врата!
Сгасла, схлынула чернота.
Чистым жаром
Горит алтарь.
– Христос Воскресе,
Вчерашний царь!

Пал без славы
Орел двуглавый.
– Царь! – Вы были неправы.

Помянет потомство
Еще не раз –
Византийское вероломство
Ваших ясных глаз.

Ваши судьи –
Гроза и вал!
Царь! Не люди –
Вас Бог взыскал.

Но нынче Пасха
По всей стране,
Спокойно спите
В своем селе,
Не видите красных
Знамен во сне.

Царь! – Потомки
И предки – сон.
Есть – котомка,
Коль отнят – трон.

Москва, 2 апреля 1917,
первый день Пасхи

«За Отрока – за Голубя – за Сына...»
За Отрока – за Голубя – за Сына,
За царевича младого Алексея
Помолись, церковная Россия!

Очи ангельские вытри,
Вспомяни, как пал на плиты
Голубь углицкий – Димитрий.

Ласковая ты, Россия, мать!
Ах, ужели у тебя не хватит
На него – любовной благодати?

Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка – Алексея!

4 апреля 1917,
третий день Пасхи

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа...»
Во имя Отца и Сына и Святого Духа –
Отпускаю ныне
Дорогого друга
Из прекрасной пустыни – в мир.

Научила я друга – как день встает,
Как трава растет,
И как ночь идет,
И как смерть идет,
И как звезды ходят из дома в дом –
Будет друг царем!

А как друг пошел – полегла трава
Как под злой косой,
Зашатались черные деревья,
Пал туман густой...

– Мы одни с тобой,
Голубь, дух святой!

9 апреля 1917

«Чуть светает...»
Чуть светает –

Спешит, сбегается
Мышиной стаей
На звон колокольный
Москва подпольная.

Покидают норы –
Старухи, воры.
Ведут разговоры.

Свечи горят.
Сходит Дух
На малых ребят,
На полоумных старух.
В полумраке,
Нехотя, кое-как
Бормочет дьяк.

Из черной тряпицы
Выползают на свет Божий –
Гроши нищие,
Гроши острожные,
Потом и кровью добытые
Гроши вдовьи,
Про черный день
Да на помин души

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Отложенные.

Тáк, на рассвете,
Ставят свечи,
Вынимают просфоры –
Старухи, воры:
За живот, за здравие
Раба Божьего – Николая.

Тáк, на рассвете,
Темный свой пир
Справляет подполье.

10 апреля 1917

«А всё же спорить и петь устанет...»
А всё же спорить и петь устанет –
И этот рот!
А все же время меня обманет
И сон – придет.

И лягу тихо, смежу ресницы,
Смежу ресницы.
И лягу тихо, и будут сниться
Деревья и птицы.

12 апреля 1917

СТЕНЬКА РАЗИН
1. «Ветры спать ушли – с золотой зарей...»
Ветры спать ушли – с золотой зарей,
Ночь подходит – каменной горой,
И с своей княжнью из жарких стран
Отдыхает бешеный атаман.

Молодые плечи в охапку сгреб,
Да заслушался, запрокинув лоб,
Как гремит над жарким его шатром –
Соловьинный гром.

22 апреля 1917

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

2. «А над Волгой – ночь...»

А над Волгой – ночь,

А над Волгой – сон.

Расстелили ковры узорные,

И возлег на них атаман с княжной

Персиянкою – Брови Черные.

И не видно звезд, и не слышно волн,

Только весла да темь кромешная!

И уносит в ночь атаманов челн

Персиянскую душу грешную.

И услышала

Ночь – такую речь:

– Аль не хочешь, что ль,

Потеснее лечь?

Ты меж наших баб –

Что жемчужинка!

Аль уж страшен так?

я твой вечный раб,

Персияночка!

Полоняночка!

* * *

А она – брови насупила,

Брови длинные.

А она – очи потупила

Персиянские.

И из уст ее –

Только вздох один:

– Джаль-Эддин!

* * *

А над Волгой – заря румяная,

А над Волгой – рай.

И грохочет ватага пьяная:

– Атаман, вставай!

Належался с басурманскою собакою!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вишь, глаза-то у красавицы наплаканы!

А она – что смерть,
Рот закушен в кровь. –
Так и ходит атаманова крутая бровь.

– Не поладила ты с нашею постелью,
Так поладь, собака, с нашею купелью!

В небе-то – ясно,
Тёмно – на дне.
Красный один
Башмачок на корме.

И стоит Степан – ровно грозный дуб,
Побелел Степан – аж до самых губ.
Закачался, зашатался. – Ох, томно!
Поддержите, нехристи, – в очах тёмно!

Вот и вся тебе персияночка,
Полоняночка.

25 апреля 1917

3. (СОН РАЗИНА)

И снится Разину – сон:

Словно плачется болотная цапля.

И снится Разину – звон:

Ровно капельки серебряные каплют.

И снится Разину дно:

Цветами – что плат ковровый.

И снится лицо одно –

Забытое, чернобровое.

Сидит, ровно Божья мать,

Да жемчуг на нитку нижет.

И хочет он ей сказать,

Да только губами движет...

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сдавило дыханье – аж

Стеклянный, в груди, осколок.

И ходит, как сонный страж,

Стеклянный – меж ними – полог.

* * *

Рулевой зарею правил

Вниз по Волге–реке.

Ты зачем меня оставил

Об одном башмачке?

Кто красавицу захочет

В башмачке одном?

Я приду к тебе, дружок,

За другим башмачком!

И звенят-звенят, звенят-звенят запястья:

– Затонуло ты, Степаново счастье!

8 мая 1917

«Так и буду лежать, лежать...»

Так и буду лежать, лежать

Восковая, да ледяная, да скорченная.

Так и будут шептать, шептать:

– Ох, шальная! ох, чумная! ох, порченная!

А монашки–то вздыхать, вздыхать,

А монашки–то – читать, читать:

– Святой Боже! Святой Боже! Святой Крепкий!

Не помилует, монашки, – ложь!

Захочу – хватить нож!

Захочу – и гроб в щепки!

Да нет – не хочу –

Молчу.

я тебе, дружок,

я слово скажу:

Кому – вверху гулять,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Кому – внизу лежать.

Хочешь – целуй
В желтый лоб,
А не хочешь – так
Заколотят в гроб.

Дело такое:
Стала умна.
Вот оттого я
Лицом темна.

2 мая 1917

«Что же! Коли кинут жребий...»
– Что же! Коли кинут жребий –
Будь, любовь!
В грозном – безумном! – небе –
Лед и кровь.

Жду тебя сегодня ночью
После двух:
В час, когда во мне рокоцут
Кровь и дух.

13 мая 1917

ГАДАНЬЕ
1. «В очи взглянула...»
В очи взглянула
Тускло и грозно.
Где-то ответил – гром.
– Ох, молодая!
Дай погадаю
О земном талане твоём.

Синие тучи свились в воронку.
Где-то гремит, – гремят!
Ворожея в моего ребенка
Сонный вперила взгляд.
– Что же нам скажешь?

– Все без обману.

– Мне уже поздно,

Ей еще рано...

– Ох, придержи язык, красота!

Что до поры говорить: не верю! –

И распахнула карточный веер

Черная – вся в серебре – рука.

– Речью дерзка,

Нравом проста,

Щедро живешь,

Красоты не копишь.

В ложке воды тебя – ох – потопит

Злой человек.

Скоро в ночи тебе путь неожиданный.

Линии мало,

Мало талану. –

Позолоти!

И вырастает с ударом грома

Черный – на черном – туз.

19 мая 1917

2. «Как перед царями да князьями стены падают...»
Как перед царями да князьями стены падают –

Отпади, тоска-печаль-кручина,

С молодой рабы моей Марины,

Верноподданной.

Прошуми весеннею водою

Над моей рабою

Молодою.

(Кинь-ка в воду обручальное кольцо,

покатай по белой грудке – яйцо!)

От бессонницы, от речи сладкой,

От змеи, от лихорадки,
От подружкина совета,
От лихого человека,
От молодых друзей,
От чужих князей –
Заклинаю государыню–княгиню,
Молодую мою, верную рабыню.

(Наклони лицо,
Расколи яйцо!)

Да растут ее чертоги –
Выше снежных круч,
Да бегут ее дороги –
Выше синих туч,

Да поклонятся ей в ноги
Все князья земли, –
Да звенят в ее кошелке
Золотые рубли.

Ржа – с ножа,
С тебя, госпожа, –
Тоска!

21 мая 1917

3. «Голос – сладкий для слуха...»
Голос – сладкий для слуха,
Только взглянешь – светло.
Мне что? – Я старуха,
Мое время прошло.

Только солнышко скроется,
Да падет темнота,
Выходи ты под Троицу
Без Христа–без креста.

Пусть несут тебя ноженьки

Не к дружку твоему:
Непроезжей дороженькой –
В непроглядную тьму.

Да сними – не забудь же –
Образочек с груди.
А придешь на распутье,
К земле припади.

Позовет тебя глухо,
Ты откликнись – светло...
– Мне что? – Я старуха,
Мое время прошло.

21 мая 1917

«И кто-то, упав на карту...»
И кто-то, упав на карту,
Не спит во сне.
Повеяло Бонапартом
В моей стране.

Кому-то гремят раскаты:
– Гряди, жених!
Летит молодой диктатор,
Как жаркий вихрь.

Глаза над улыбкой шалой –
Что ночь без звезд!
Горит на мундире впалом –
Солдатский крест. [1]

Народы призвал к покою,
Смирил озноб –
И дышит, зажав рукою
Вселенский лоб.

21 мая 1917

Троицын день

«Из строгого, стройного храма...»
Из строгого, стройного храма

Ты вышла на визг площадей..

– Свобода! – Прекрасная дама

Маркизов и русских князей.

Свершается страшная спевка, –

Обедня еще впереди!

– Свобода! – Гулящая девка

На шалой солдатской груди! [2]

26 мая 1917

«В лоб целовать – заботу стереть...»
В лоб целовать – заботу стереть.

В лоб целую.

В глаза целовать – бессонницу снять.

В глаза целую.

В губы целовать – водой напоить.

В губы целую.

В лоб целовать – память стереть.

В лоб целую.

5 июня 1917

«Голубые, как небо, воды...»
Голубые, как небо, воды,

и серебряных две руки.

Мало лет – и четыре года:

Ты и я – у Москвы-реки.

Лодки плыли, гудки гудели,

Распоясанный брел солдат.

Ребятишки дрались и пели

На отцовский унылый лад.

На ревнителей Бога Марса

Ты тихонько кривила рот.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ледяными глазами барса

Ты глядела на этот сброд.

Был твой лик среди этих, темных,

До сиянья, до блеска – бел.

Не забуду – а ты не вспомнишь –

Как один на тебя глядел. [3]

6 июня 1917

«А пока твои глаза...»

А пока твои глаза

– Черные – ревнивы,

А пока на образа

Молишься лениво –

Надо, мальчик, целовать

В губы – без разбору.

Надо, мальчик, под забором

И дневать и ночевать.

И плывет церковный звон

По дороге белой.

На заре-то – самый сон

Молодому телу!

(А погаснут все огни –

Самая забава!)

А не то – пройдут без славы

Черны ночи, белы дни.

Летом – светло без огня,

Летом – ходишь ходко.

У кого увел коня,

У кого красотку.

– Эх, и врет, кто нам поет

Спать в тобою розно!

Милый мальчик, будет поздно,

Наша молодость пройдет!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не взыщи, шальная кровь,

Молодое тело!

я про бедную любовь

Спела – как сумела!

Будет день – под образа

Ледяная – ляжу.

– Кто тогда тебе расскажет

Правду, мальчику, в глаза?

10 июня 1917

«Горечь! Горечь! Вечный привкус...»
Горечь! Горечь! Вечный привкус

На губах твоих, о страсть!

Горечь! Горечь! Вечный искус –

Окончательнее пасть.

Я от горечи – целую

Всех, кто молод и хорош.

Ты от горечи – другую

Ночью за руку ведешь.

С хлебом ем, с водой глотаю

Горечь-горе, горечь-грусть.

Есть одна трава такая

На лугах твоих, о Русь.

10 июня 1917

«И зажег, голубчик, спичку...»[4]
И зажег, голубчик, спичку.

– Куды, матушка, дымок?

– В двери, родный, прямо в двери, –

Помирать тебе, сынок!

– Мне гулять еще охота.

Неохота помирать.

Хоть бы кто за меня помер!

...Только до ночи и пожил.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
11 июня 1917

АЛЕ

А когда – когда-нибудь – как в воду

И тебя потянет – в вечный путь,

Оправдай змеиную породу:

Дом – меня – мои стихи – забудь.

Знай одно: что завтра будешь старой.

Пей вино, правь тройкой, пой у яра,

Синеокою цыганкой будь.

Знай одно: никто тебе не пара –

И бросайся каждому на грудь.

Ах, горят парижские бульвары!

(Понимаешь – миллионы глаз!)

Ах, гремят мадридские гитары!

(Я о них писала – столько раз!)

Знай одно: (твой взгляд широк от жара,

Паруса надулись – добрый путь!)

Знай одно: что завтра будешь старой,

Остальное, деточка, – забудь.

11 июня 1917

«А царит над нашей стороной...»

А царит над нашей стороной –

Глаз дурной, дружок, да час худой.

А всего у нас, дружок, красы –

Что две русых, вдоль спины, косы,

Две несжатых, в поле, полосы.

А затем, чтобы в единый год

Не повис по рощам весь народ –

Для того у нас заведено

Зеленое шалое вино.

А по селам – ивы – деревья

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Да плакун-трава, разрыв-трава...

Не снести тебе российской ноши.

– Проходите, господин хороший!

11 июня 1917

КАРМЕН

1. «Божественно, детски-плоско...»
Божественно, детски-плоско

Короткое, в сборку, платье.

Как стороны пирамиды

От пояса мчат бока.

Какие большие кольца

На маленьких темных пальцах!

Какие большие пряжки

На крохотных башмачках!

А люди едят и спорят,

А люди играют в карты.

Не знаете, что́ на карту

Поставили, игроки!

А ей – ничего не надо!

А ей – ничего не надо!

– Вот грудь моя. Вырви сердце –

И пей мою кровь, Кармен!

13 июня 1917

2. «Стоит, запрокинув горло...»
Стоит, запрокинув горло,

И рот закусил в кровь.

А руку под грудь уперла –

Под левую – где любовь.

– Склоните колена! – Что вам,

Аббат, до моих колен?!

Так кончилась – этим словом –

Последняя ночь Кармен.

18 июня 1917

ИОАНН

1. «Только живите! – Я уронила руки...»
Только живите! – Я уронила руки,

я уронила на руки жаркий лоб.

Так молодая Буря слушает Бога

Где-нибудь в поле, в какой-нибудь темный час.

И на высокий вал моего дыханья

Властная вдруг – словно с неба – ложится длань.

И на уста мои чьи-то уста ложатся.

– Так молодую Бурю слушает Бог.

20 июня 1917

2. «Запах пшеничного злака...»
Запах пшеничного злака,

Ветер, туман и кусты...

Буду отчаянно плакать –

я, и подумаешь – ты,

Длинной рукою незрячей

Глядя раскиданный стан,

что на груди твоей плачет

Твой молодой Иоанн.

3. «Люди спят и видят сны...»
Люди спят и видят сны.

Стынет водная пустыня.

Все у Господа – сыны,

человеку надо – сына.

Прозвенел кремнистый путь

Под усердную ногу,

и один к нему на грудь

пал курчавой головою.

Люди спят и видят сны.

Тишина над гладью водной.

– Ты возьми меня в сыны!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Спи, мой сын единокровный.

4. «Встречались ли в поцелуе...»
Встречались ли в поцелуе

Их жалобные уста?

Иоанна кудри, как струи

Спадают на грудь Христа.

Умилительное бессилье!

Блаженная пустота!

Иоанна руки, как крылья,

Висят по плечам Христа.

22 – 27 июня 1917

ЦЫГАНСКАЯ СВАДЬБА
Из-под копыт

Грязь летит.

Перед лицом

Шаль – как щит.

Без молодых

Гуляйте, сваты!

Эй, выноси,

Конь косматый!

Нé дали воли нам

Отец и мать,

Целое поле нам –

Брачная кровать!

Пьян без вина и без хлеба сыт, –

Это цыганская свадьба мчит!

Полон стакан,

Пуст стакан.

Гомон гитарный, луна и грязь.

Вправо и влево качнулся стан.

Князем – цыган!

Цыганом – князь!

Эй, господин, берегись, – жжет!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Это цыганская свадьба пьет!

Там, на ворохе
Шалей и шуб,
Звон и шорох
Стали и губ.
Звякнули шпоры,
В ответ – мониста.
Свистнул под чьей-то рукою
Шелк.
Кто-то завыл как волк,
Кто-то как бык храпит.
– Это цыганская свадьба спит.

25 июня 1917

КНЯЗЬ ТЬМЫ
1. «Колокола – и небо в темных тучах...»
Князь! Я только ученица

Вашего ученика!
Колокола – и небо в темных тучах.
На перстне – герб и вязь.
Два голоса – пливучих и певучих:
– Сударыня? – Мой князь?
– Что Вас приводит к моему подъезду?
– Мой возраст – и Ваш взор.
Цилиндр снят, и тьму волос прорезал
Серебряный пробор.

– Ну, что сказали на денек вчерашний
Российские умы?

2. «Страстно рукоплеща...»
Страстно рукоплеща

Лает и воет чернь.
Медленно встав с колен
Кланяется Кармен.

Взором – кого ища?

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Тихим сейчас – до дрожи.

Безучастны в царской ложе
Два плаща.

И один – глаза темны –
Воротник вздымая стройный:
– Какова, Жуан? – Достояна
Вашей светлости, Князь Тьмы.

3 июля 1917

3. «Да будет день! – и тусклый день туманный...»
Да будет день! – и тусклый день туманный

Как саван пал над мертвою водой.
Взглянув на мир с полуулыбкой странной:
– Да будет ночь! – тогда сказал другой.

И отвернув задумчивые очи,
Он продолжал заоблачный свой путь.
Тебя пою, родоначальник ночи,
Моим ночам и мне сказавший: будь.

3 или 4 июля 1917

4. «И призвал тогда Князь света – Князя тьмы...»
И призвал тогда Князь света – Князя тьмы,

И держал он Князю тьмы – такую речь:
– Оба княжим мы с тобою. День и ночь
Поделили поровну с тобой.

Так чего ж за нею белым днем
Ходишь-бродишь, речь заводишь под окном?

Отвечает Князю света – Темный князь:
– То не я хожу-брожу, Пресветлый – нет!
То сама она в твой белый Божий день
По пятам моим гоняет, словно тень.

То сама она мне вздоху не дает,
Днем и ночью обо мне поет.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И сказал тогда Князь света – Князю тьмы:

– Ох, великий ты обманщик, Темный князь!
Ходит-бродит, речь заводит, песнь поет?
Ну, посмотрим, Князь темнейший, чья возьмет?

И пошел тогда промеж князьями – спор.
О сю пору он не кончен, княжий спор.

4 июля 1917

«Помнишь плащ голубой...»
ВОНЁМЕ[5]

Помнишь плащ голубой,
Фонари и лужи?
Как играли с тобой
Мы в жену и мужа.

Мой первый браслет,
Мой белый корсет,
Твой малиновый жилет,
Наш клетчатый плед?!

Ты, по воле судьбы,
Всё писал сонеты.
Я варила бобы
Юному поэту.

Как над картою вин
Мы на пальцы дули,
Как в дымящий камин
Полетели стулья.

Помнишь – шкаф под орех?
Холод был отчаянный!
Мой страх, твой смех,
Гнев домохозяйина.

Как стучал нам сосед,
Флейтою разбужен...

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Поцелуи – в обед,

И стихи – на ужин...

Мой первый браслет,
Мой белый корсет,
Твой малиновый жилет –
Наш клетчатый плед...

7 июля 1917

«Ну вот и окончена метка...»
Ну вот и окончена метка, –
Прощай, мой веселый поэт!
Тебе приглянулась – соседка,
А мне приглянулся – сосед.

Забита свинцовой крышкой
Любовь – и свободны рабы.
А помнишь: под мышкою – книжки,
А помнишь: в корзинке – бобы...

Пожалуйте все на поминки,
Кто помнит, как десять лет
Клялись: кружевная косынка
И сей апельсинный жилет...

(Не окончено). 7 июля 1917

ЮНКЕРАМ, УБИТЫМ В НИЖНЕМ
Сабли взмах –
И вздохнули трубы тяжело –
Провожать
Легкий прах.
С веткой зелени фуражка –
В головах.

Глуше, глуше
Праздный гул.
Отдадим последний долг
Тем, кто долгу отдал – душу.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Гул – смолк.

– Слуша – ай! На – кра – ул!

Три фуражки.

Трубный звон.

Рвется сердце.

– Как, без шашки?

Без погон

Офицерских?

Поутру –

В безымянную дыру?

Смолкли трубы.

Доброй ночи –

Вам, разорванные в клочья –

На посту!

17 июля 1917

«И в заточеньи зимних комнат...»
И в заточеньи зимних комнат

И сонного Кремля –

я буду помнить, буду помнить

Просторные поля.

И легкий воздух деревенский,

И полдень, и покой, –

И дань моей гордыне женской

Твоей слезы мужской.

27 июля 1917

«Бороды – цвета кофейной гущи...»
Бороды – цвета кофейной гущи,

В воздухе – гул голубиных стай.

Черное око, полное грусти,

Пусто, как полдень, кругло, как рай.

Все провожает: пеструю юбку,

Воз с кукурузой, парус в порту...

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Трубка и роза, роза и трубка –

Попеременно – в маленьком рту.

Звякнет – о звонкий кувшин – запястье,

Вздрогнет – на звон кувшинá – халат...

Стройные снасти – строки о страсти –

И надо всеми и всем – Аллах.

Что ж, что неласков! что ж, что рассеян!

Много их с розой сидит в руке –

Там на пороге дымных кофеен, –

В синих шальварах, в красном платке.

4 августа 1917

ЛЮБВИ СТАРИННЫЕ ТУМАНЫ

1. «Над черным очертаньем мыса...»

Над черным очертаньем мыса –

Луна – как рыцарский доспех.

На пристани – цилиндр и мех,

Хотелось бы: поэт, актриса.

Огромное дыханье ветра,

Дыханье северных садов, –

И горестный, огромный вздох:

– Ne laissez pas traîner mes lettres! [6]

2. «Так, руки заложив в карманы...»

Так, руки заложив в карманы,

Стою. Синеет водный путь.

– Опять любить кого-нибудь? –

Ты уезжаешь утром рано.

Горячие туманы Сити –

В глазах твоих. Вот так, ну вот...

Я буду помнить – только рот

И страстный возглас твой: – Живите!

3. «Смывает лучшие румяна...»

Смывает лучшие румяна –

Любовь. Попробуйте на вкус,

Как слезы – слоны. Боюсь,

я завтра утром – мертвой встану.

Из Индии пришлите камни.

Когда увидимся? – Во сне.

– Как ветрено! – Привет жене,

и той – зеленоглазой – даме.

4. «Ревнивый ветер треплет шаль...»
Ревнивый ветер треплет шаль.

Мне этот час сужден – от века.

я чувствую у рта и в веках

Почти звериную печаль.

Такая слабость вдоль колен!

– Так вот она, стрела Господня!

– Какое зарево! – Сегодня

я буду бешеной Кармен.

* * *

...Так, руки заложив в карманы,

Стою. Меж нами океан.

Над городом – туман, туман.

Любви старинные туманы.

19 августа 1917

«Из Польши своей спесивой...»
Из Польши своей спесивой

Принес ты мне речи льстивые,

да шапочку соболиную,

да руку с перстами длинными,

да нежности, да поклоны,

да княжеский герб с короною.

– А я тебе принесла

Серебряных два крыла.

20 августа 1917

«Молодую рощу шумную...»
Молодую рощу шумную –

Дровосек перерубил.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
То, что Господом задумано –

Человек перерешил.

И уж роща не колышется –
Только пни, покрыты ржой.
В голосах родных мне слышится
Темный голос твой чужой.

Все мерещатся мне дивные
Темных глаз твоих круги.
– Мы с тобою – неразрывные,
Неразрывные враги.

20 августа 1917

«С головою на блещущем блюде...»
С головою на блещущем блюде
Кто-то вышел. Не я ли сама?
На груди у меня – мертвой грудью –
Целый город, сошедший с ума!

А глаза у него – как у рыбы:
Стеклениют, глядят в небосклон,
А над городом – мертвою глыбой –
Сладострастье, вечерний звон.

22 августа 1917

«Собрались, льстецы и щеголи...»
Собрались, льстецы и щеголи,
Мы не страсти праздник праздновать.
Страсть-то с голоду, да с холоду, –
Распашная, безобразная.

Окаянствует и пьянствует,
Рвет Писание на части...
– Ах, гондолой венецьянскою
Подплывает сладострастье!

Роза опытных садовников
За оградою церковною,

Райское вино любовников –
Сладострастье, роза кровная!

Лейся, влага вдохновенная,
Вожденное токайское –
За <нетленное> – блаженное
Сладострастье, роскошь райскую!

22 августа 1917

«Нет! Еще любовный голод...»
Нет! Еще любовный голод

Не раздвинул этих уст.
Нежен – оттого что молод,
Нежен – оттого что пуст.

Но увы! На этот детский
Рот – Ширази лепестки!–
Все людское людоедство
Точит зверские клыки.

23 августа 1917

Иосиф
Царедворец ушел во дворец.
Раб согнулся над коркою черствой.
Изломала – от скуки – ларец
Молодая жена царедворца.

Голубям раскусила зоба,
Ищипала служанку – от скуки,
И теперь молодого раба
Притянула за смуглые руки.

– Отчего твои очи грустны?
В погребах наших – царские вина!
– Бедный юноша – я, вижу сны!
И служу своему господину.
– Позабавь же свою госпожу!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Солнце жжет, господин наш – далёко..

– Я тому господину служу,
Чье не дремлет огромное око.

Длинный лай дозирующих псов,
Дуновение роши миндальной.
Рокот спорящих голосов
В царедворческой опочивальне.

– Я сберег господину – казну.
– Раб! Казна и жена – не едино.
– Ты алмаз у него. Как дерзну –
На алмаз своего господина?!

Спор Иосифа! Перед тобой –
что – Иакова единоборство!
И глотает – с улыбкою – вой
Молодая жена царедворца.

23 августа 1917

«Только в очи мы взглянули – без остатка...»
Только в очи мы взглянули – без остатка,
Только голос наш до вопля вознесен –
Как на горло нам – железная перчатка
Опускается – по имени – закон.
Слезы в очи загоняет, воды –
В берега, проклятие – в уста.
И стремится железная свобода
Вольнодумца с нового моста.
И на грудь, где наши рокоты и стоны,
Опускается железное крыло.
Только в обруче огромного закона
Мне просторно – мне спокойно – мне светло.

25 августа 1917

«Мое последнее величье...»
Мое последнее величье
На дерзком голоде заплат!

В сухие руки ростовщицы
Снесен последний мой заклад.

Промотанному – в ночь – наследству
У Господа – особый счет.
Мой – не сошелся. Не по средствам
Мне эта роскошь: ночь и рот.

Простимся ж коротко и просто
– Раз руки не умеют красть! –
С тобой, нелепешая роскошь,
Роскошная нелепость! – страсть!

1 сентября 1917

«Без Бога, без хлеба, без крова...»
Без Бога, без хлеба, без крова,
– Со страстью! со звоном! со славой! –
Ведет арестант чернобровый
В Сибирь – молодую жену.

Когда-то с полуночных палуб
Взирали на Хиос и Смирну,
И мрамор столичных кофеен
Им руки в перстнях холодил.

Какие о страсти прекрасной
Велись разговоры под скрипку!
Тонуло лицо чужестранца
В египетском тонком дыму.

Под низким рассеянным небом
Вперед по сибирскому тракту
Ведет господин чужестранный
Домой – молодую жену.

3 сентября 1917

«Поздний свет тебя тревожит...»
Поздний свет тебя тревожит?

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не заботься, господин!

я – бессонна. Спать не может
кто хорош и кто один.

Нам бессонница не бремя,
Отродясь кипим в котле.
Так-то лучше. Будет время
Телу выпататься в земле.

Ни зевоты, ни ломоты,
Сын – уснул, а друг – придет.
Друг за матью присмотрит,
Сына – Бог побережет.

Поделю ж, пока пригожа,
и пока одной невмочь, –
Бабью жизнь свою по-божьи:
Сыну – день, а другу – ночь.

4 сентября 1917

«Я помню первый день, младенческое зверство...»
Я помню первый день, младенческое зверство,
Истомы и глотка божественную муть,
Всю беззаботность рук, всю бессердечность сердца,
Что камнем падало – и ястребом – на грудь.

И вот – теперь – дрожа от жалости и жара,
Одно: завить, как волк, одно: к ногам припасть,
Потупиться – понять – что сладострастью кара –
Жестокая любовь и каторжная страсть.

4 сентября 1917

ПЕТРОВ КОНЬ РОНЯЕТ ПОДКОВУ
(Отрывок)
И, дрожа от страстной спеси,
В небо вознесла ладонь
Раскаленный полумесяц,
Что посеял медный конь.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сентябрь 1917

«Тот – щеголем наполовину мертвым...»
Тот – щеголем наполовину мертвым,

А этот – нищим, по двадцатый год.

Тот говорит, а этот дышит. Тот
Был ангелом, а этот будет чертом.

Встречают-провожают поезда
И... . слушают в пустынном храме,
И все глядит – внимательно – как даме –
Как женщине – в широкие глаза.

И все не может до конца вздохнуть
Товарищ младший, и глотает – яро,
Расширенными легкими – сигары
И города полуночную муть.

И коротко кивает ангел падший,
Когда иссяк кощунственный словарь,
И расстаются, глядя на фонарь,
Товарищ старший и товарищ младший.

6 сентября 1917

«Ввечеру выходят семьи...»
Ввечеру выходят семьи.

Опускаются на скамьи.
Из харчевни – пар кофейный.
Господин клянется даме.

Голуби воркуют. Крендель
Правит триумфальный вход.
Мальчик вытащил занозу.
– Господин целует розу. –

Пышут пенковые трубки,
Сдвинули чепцы соседки:
Кто – про юбки, кто – про зубки.
Кто – про рыжую наседку.

Юноша длинноволосый,
Узкогрудый – жалкий стих
Сочиняет про разлуку.
– Господин целует руку.

Спят....., спят ребята,
Ходят прялки, ходят зыбки.
Врет матрос, портной горбатый
Встал, поглаживая скрипку.

Бледный чужестранец пьяный,
Тростью в грудь себя бия,
Возглашает: – Все мы братья!
– Господин целует платье.

Дюжина ударов с башни
– доброй ночи! доброй ночи!
– Ваше здравие! За Ваше!
(Господин целует в очи).

Спит забава, спит забота.
Скрипача огромный горб
Запрокинулся под дубом.
– Господин целует в губы.

6 сентября 1917

«И вот, навьючив на верблюжий горб...»
И вот, навьючив на верблюжий горб,
На добрый – стопудовую заботу,
Отправимся – верблюд смирен и горд –
Справлять неисправимую работу.

Под темной тяжестью верблюжьих тел –
Мечтать о Ниле, радоваться луже,
Как господин и как Господь велел –
Нести свой крест по-божьи, по-верблюжьи.

И будут в зареве пустынных зорь

Горбы – болеть, купцы – гадать: откуда,
Какая это вдруг напала хворь
На доброго, покорного верблюда?

Но, ни единым взглядом не моля,
Вперед, вперед, с сожженными губами,
Пока Обетованная земля
Большим горбом не встанет над горбами.

14 сентября 1917

«Аймек-гуарузим – долина роз...»
Аймék-гуару́зим – долина роз.

Еврейка – испанский гранд.
И ты, семилетний, очами врос
В истрепанный фолиант.

От розовых, розовых, райских чащ
Какой-то пожар в глазах.
Луна Сарагоссы – и черный плащ.
Шаль – дó полу – и монах.

Еврейская девушка – меж невест –
Что роза среди раки́т!
И старый серебряный дедов крест
Сменен на Давидов щит.

От черного взора и красных кос
В глазах твоих – темный круг.
И целое дерево райских роз
Цветет меж библейских букв.

Аймék-гуару́зим – так в первый раз
Предстала тебе любовь.
Так первая книга твоя звалась,
Так тигр почуял кровь.

И, стройное тело собрав в прыжок,
Читаешь – черно в глазах! –

Как в черную полночь потом их сжег
На красном костре – монах.

18 сентября 1917

«Запах, запах...»
Запах, запах

Твоей сигары!
Смуглой сигары
Запах!
Перстни, перья,
Глаза, панамы...
Синяя ночь
Монако.

Запах странный,
Немножко затхлый:
В красном тумане –
Запад.
Столб фонарный
И рокот Темзы,
Чем же еще?
Чем же?

Ах, Веной!
Духами, сеном,
Открытой сценой,
Изменой!

23 сентября 1917

«Бел, как мука, которую мелет...»
Бел, как мука, которую мелет,
Черен, как грязь, которую чистит,
Будет от Бога похвальный лист
Мельнику и трубочисту.

Нам же, рабам твоим непокорным,
Нам, нерадивым: мельникам – черным,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Нам, трубочистам белым – увы! –

Страшные – Судные дни твои;

Черным по белому в день тот черный
Будем стоять на доске позорной.

30 сентября 1917

«Ночь. – Норд-Ост. – Рев солдат. – Рев волн...»
Ночь. – Норд-Ост. – Рев солдат. – Рев волн.

Разгромили винный склад. – Вдоль стен
По канавам – драгоценный поток,
И кровавая в нем пляшет луна.

Ошалелые столбы тополей.
Ошалелое – в ночи – пенье птиц.
Царский памятник вчерашний – пуст,
И над памятником царским – ночь.

Гавань пьет, казармы пьют. Мир – наш!
Наше в княжеских подвалах вино!
Целый город, топоча как бык,
К мутной луже припадая – пьет.

В винном облаке – луна. – Кто здесь?
Будь товарищем, красотка: пей!
А по городу – веселый слух:
Где-то двое потонули в вине. [7]

Феодосия, последние дни Октября
«Плохо сильным и богатым...»
Плохо сильным и богатым,
Тяжко барскому плечу.
А вот я перед солдатом
Светлых глаз не опущу.

Город буйствует и стонет,
В винном облаке – луна.
А меня никто не тронет:
Я надменна и бедна.

Феодосия, конец Октября

КОРНИЛОВ

..Сын казака, казак..

Так начиналась – речь.

– Родина. – Враг. – Мрак.

Всем головами лечь.

Бейте, попы, в набат.

– Нечего есть. – Честь.

– Не терять ни дня!

Должен солдат

Чистить коня...[8]

4 декабря 1917

РУАН

И я вошла, и я сказала: – Здравствуй!

Пора, король, во Францию, домой!

И я опять веду тебя на царство,

И ты опять обманешь, Карл Седьмой!

Не ждите, принц, скупой и невеселый,

Бескровный принц, не распрямивший плеч,

Чтоб Иоанна разлюбила – голос,

Чтоб Иоанна разлюбила – меч.

И был Руан, в Руане – Старый рынок...

– Все будет вновь: последний взор коня,

И первый треск невинных хворостинок,

И первый всплеск соснового огня.

А за плечом – товарищ мой крылатый

Опять шепнет: – Терпение, сестра! –

Когда сверкнут серебряные латы

Сосновой кровью моего костра.

4 декабря 1917

МОСКВЕ

1. «Когда рыжеволосый Самозванец...»

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Когда рыжеволосый Самозванец

Тебя схватил – ты не согнула плеч.

Где спесь твоя, княгинюшка? – Румянец,
Красавица? – Разумница, – где речь?

Как Петр-Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову твою –
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю.

Не позабыли огненного поила
Буонапарта хладные уста.
Не в первый раз в твоих соборах – стойла.
Все вынесут кремлевские бока.

9 декабря 1917

2. «Гришка-вор тебя не ополячил...»
Гришка-вор тебя не ополячил,
Петр-Царь тебя не онемечил.
Что же делаешь, голубка? – Плачу.
Где же спесь твоя, Москва? – Далече.

– Голубочки где твои? – Нет корму.
– Кто унес его? – Да ворон черный.
– Где кресты твои святые? – Сбиты.
– Где сыны твои, Москва? – Убиты.

10 декабря 1917

3. «Жидкий звон, постный звон...»
Жидкий звон, постный звон.

На все стороны – поклон.

Крик младенца, рев коровы.
Слово дерзкое царёво.

Плётки свист и снег в крови.
Слово темное Любви.

Голубиный рокот тихий.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Черные глаза Стрельчихи.

10 декабря 1917

«Расцветает сад, отцветает сад...»
Расцветает сад, отцветает сад.

Ветер встреч подул, ветер мчит разлук.

Из обрядов всех что один обряд:

Целованье рук.

Города стоят, и стоят дома.

Юным женщинам – красота дана,

Чтоб сходить с ума – и сводить с ума

Города. Дома.

В мире музыка – изо всех окон,

И цветет, цветет Моисеев куст.

Из законов всех – что один закон:

Целованье уст.

12 декабря 1917

«Как рука с твоей рукой...»
Как рука с твоей рукой

Мы стояли на мосточку.

Юнкерочек мой морской

Невысокого росточку.

Низкий, низкий тот туман,

Буйны, злы морские хляби.

Твой сердитый – капитан,

Быстрый, быстрый твой корабль.

Я пойду к себе домой,

Угощусь из смертной рюмки.

Юнга, юнга, юнга мой,

Юнга, морской службы юнкер!

22 декабря 1917

«Новый год я встретила одна...»
Новый год я встретила одна.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
я, богатая, была бедна,

я, крылатая, была проклятой.

Где-то было много-много сжатых

Рук – и много старого вина.

А крылатая была – проклятой!

А единая была – одна!

Как луна – одна, в глазу окна.

31 декабря 1917

«Кавалер де Гризэ! – Напрасно...»
Кавалер де Гризэ! – Напрасно

Вы мечтаете о прекрасной,

Самовластной – в себе не властной –

Сладострастной своей Мапоп.

Вереницею вольной, томной

Мы выходим из ваших комнат.

Дольше вечера нас не помнят.

Покоритесь, – таков закон.

Мы приходим из ночи вьюжной,

Нам от вас ничего не нужно,

Кроме ужина – и жемчужин,

Да быть может еще – души!

Долг и честь, Кавалер, – условность.

Дай Вам Бог целый полк любовниц!

Изъявляя при сем готовность...

Страстно любящая Вас

– М.

31 декабря 1917

БРАТЬЯ

1. «Спят, не разнимая рук...»
Спят, не разнимая рук,

С братом – брат,

С другом – друг.

Вместе, на одной постели.

Вместе пили, вместе пели.

Я укутала их в плед,
Полюбила их навеки.
Я сквозь сомкнутые веки
Странные читаю вести:

Радуга: двойная слава,
Зарево: двойная смерть.

Этих рук не разведу.

Лучше буду,
Лучше буду
Полымем пылать в аду!

2. «Два ангела, два белых брата...»
Два ангела, два белых брата,

На белых вспененных конях!
Горят серебряные латы
На всех моих грядущих днях.
И оттого, что вы крылаты –
Я с жадностью целую прах.

Где стройный благовест негромкий,
Бредущие через поля
Купец с лотком, слепец с котомкой...
– Дымят, пылая и гремя,
Под конским топотом – обломки
Китай-города и Кремля!

Два всадника! Две белых славы!
В безумном цирковом кругу
Я вас узнала. – Ты, курчавый,
Архангелом вопишь в трубу.
Ты – над Московскою Державой
Вздымаешь радугу-дугу.

3. «Глотаю соленые слезы...»
Глотаю соленые слезы.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Роман неразрезанный – глуп.

Не надо ни робы, ни розы,
Ни розовой краски для губ,
Ни кружев, ни белого хлеба,
Ни солнца над вырезом крыш,
Умчались архангелы в небо,
Уехали братья в Париж!

11 января 1918

«Ветер звонок, ветер нищ...»
Ветер звонок, ветер нищ,
Пахнет розами с кладбищ.
.....ребенок, рыцарь, хлыщ.

Пастор с книгою святою, –
Всяк..... красотою
Над беспутной сиротою.

Только ты, мой блудный брат,
Ото рта отводишь яд!

В беззаботный, скалозубый
Разговор – и в ворот шубы
Прячешь розовые губы.

13 января 1918

«На кортике своем: Марина...»
На кортике своем: Марина –
Ты начертал, встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей великолепной жизни.

Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погоны.

Москва, 18 января 1918

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Вам грустно. – Вы больны...»
Ю. З.

beau ténébreux! [9] – Вам грустно. – Вы больны.

Мир неоправдан, – зуб болит! – Вдоль нежной
Раковины щеки – фуляр, как ночь.

Ни тонкий звон венецианских бус,
(Какая-нибудь память Казановы
Монахине преступной) – ни клинок

Дамасской стали, ни крещенский гул
Колоколов по сонной Московии –
Не расколдуют нынче Вашей мглы.

Доверьте мне сегодняшнюю ночь.

Я потайной фонарь держу под шалью.
Двенадцатого – ровно – половина.
И вы совсем не знаете – кто я.

январь 1918

«Уедешь в дальние края...»
Уедешь в дальние края,
Остынешь сердцем. – Не остыну.
Распутица – заря – румыны –
Младая спутница твоя...

Кто бросил розы на снегу?
Ах, это шкурка мандарина...
И крутятся в твоём мозгу:
Мазурка – море – смерть – Марина...

Февраль 1918

«Как много красавиц, а ты – один...»
Как много красавиц, а ты – один,
Один – против ста тридцати Кармен,
И каждая держит цветок в зубах,
И каждая просит – роли.

У всех лихорадка в глазах и лесть

На красных губах, и такая страсть
К мехам и духам, и невинны все,
И все они – примадонны.

Вся каторга рампы – вокруг юных глаз.
Но занавес падает, гром гремит,
В надушенный шелк окунулся стан,
И кто-то целует руки.

От гения, грима, гримас, грошей –
В кабак, на расправу, на страстный смотр!
И возглас в четвертом часу утра,
С закинутым лбом: – Любите!

19 февраля 1918

ПЛАЩ
Плащ – для всех, кто строен и высок,
Плащ – для всех, кто смотрит на Восток.

1. «Пять или шесть утра. Сизый туман. Рассвет...»
Пять или шесть утра. Сизый туман. Рассвет.

Пили всю ночь, всю ночь. Вплоть до седьмого часа.
А на мосту, как черт, черный взметнулся плащ.
– Женщина или черт? – Доминиканца ряса?

Оперный плащ певца? – Вдовый смиренный плат?
Резвой интриги щит? – Или заклад последний?
– Хочется целовать. – Воет завод. – Бредет
Дряхлая знать – в кровать, глупая голь – к обедне.

8 марта 1918

2. «Век коронованной Интриги...»
Век коронованной Интриги,

Век проходимцев, век плаща!
– Век, коронованный Голгофой! –

Писали маленькие книги
Для куртизанок – филозофы.
Великосветского хлыща
Взмывало – умереть за благо.

Сверкал витийственной шпагой
За океаном – Лафайет.
А герцогини, лучший цвет
Вздыхателей обезоружив,
Согласно сердцу – и Руссо –
Купались в море детских кружев.

Катали девочки серсо,
С мундирами шептались Сестры..
Благоухали Тюилери..
А Королева–Колибри,
Нахмурил бровки, – до зари
Беседовала с Калиостро.

11 марта 1918

3. «Ночные ласточки Интриги...»
Ночные ласточки Интриги –

Плащи, – крылатые герои
Великосветских авантюр.
Плащ, щеголяющий дырою,
Плащ вольнодумца, плащ расстриги,
Плащ–Проходимец, плащ–Амур.

Плащ прихотливый, как руно,
Плащ, преклоняющий колено,
Плащ, уверяющий: – темно..
Гудок дозора. – Рокот Сены.
Плащ Казановы, плащ Лозэна. –
Антуанетты домино.

Но вот, как черт из черных чаш –
Плащ – чернокнижник, вихрь – плащ,
Плащ – вороном над стаей пестрой
Великосветских мотыльков.
Плащ цвета времени и снов –
Плащ Кавалера Калиостро.

10 апреля 1918

«Закинув голову и опустив глаза...»
Закинув голову и опустив глаза,
Пред ликом Господа и всех святых – стою.
Сегодня праздник мой, сегодня – Суд.

Сонм юных ангелов смущен до слез.
Бесстрастны праведники. Только ты,
На тронном облаке, глядишь как друг.

Что хочешь – спрашивай. Ты добр и стар,
И ты поймешь, что с эдаким в груди
Кремлевским колоколом – лгать нельзя.

И ты поймешь, как страстно день и ночь
Боролись Промысел и Произвол
В ворочающей жернова – груди.

Так, смертной женщиной, – опущен взор,
Так, гневным ангелом – закинут лоб,
В день Благовещенья, у Царских врат,
Перед лицом твоим – гляди! – стою.

А голос, голубем покинув в грудь,
В червонном куполе обводит круг.

Март 1918

«Кровных коней запрягайте в дровни...»
Кровных коней запрягайте в дровни!

Графские вина пейте из луж!
Единодержцы штыков и душ!
Распродавайте – на вес – часовни,
Монастыри – с молотка – на слом.
Рвитесь на лошади в Божий дом!
Перепивайтесь кровавым пойлом!

Стойла – в соборы! Соборы – в стойла!
В чертову дюжину – календарь!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Нас под рогожу за слово: царь!

Единодержцы грошей и часа!
На куполах вымещайте злость!
Распродавая нас всех на мясо,
Раб худородный увидит – Расу:
Черная кость – белую кость.

Москва. 2 марта 1918

Первый день весны.

ДОН

1. «Белая гвардия, путь твой высок...»
Белая гвардия, путь твой высок:

Черному дулу – грудь и висок.

Божье да белое твое дело:
Белое тело твое – в песок.

Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...

Старого мира – последний сон:
Молодость – Доблесть – Вандея – Дон.

24 марта 1918

2. «Кто уцелел – умрет, кто мертв – воспрянет...»
Кто уцелел – умрет, кто мертв – воспрянет.

И вот потомки, вспомнив старину:
– Где были вы? – Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: – На Дону!

– Что делали? – Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом: долг напишут слово: Дон.

30 марта 1918

НВ! мои любимые.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
3. «Волны и молодость – вне закона...»
Волны и молодость – вне закона!

Тронулся Дон. – Погибаем. – Тонем.

Ветру веков доверяем снести

Внукам – лихую весть:

Да! Проломилась донская глыба!

Белая гвардия – да! – погибла.

Но покидая детей и жен,

Но уходя на Дон,

Белую стаей летя на плаху,

Мы за одно умирали: хаты!

Перекрестясь на последний храм,

Белогвардейская рать – векам.

Москва, Благовещение 1918

– дни разгрома Дона –

«Идет по луговинам лития...»

Идет по луговинам лития.

Таинственная книга бытия

Российского – где судьбы мира скрыты –

Дочитана и наглухо закрыта.

И рыщет ветер, рыщет по степи:

– Россия! – Мученица! – С миром – спи!

30 марта 1918

«Трудно и чудно – верность до гроба...»

Трудно и чудно – верность до гроба!

Царская роскошь – в век площадей!

Стойкие души, стойкие ребра, –

Где вы, о люди минувших дней?!

Рыжим татаринном рыщет вольность,

С прахом равняя алтарь и трон.

Над пепелищами – рев застольный

Беглых солдат и неверных жен.

11 апреля 1918

«О, самозванцев жалкие усилья...»
..О, самозванцев жалкие усилья!

Как сон, как снег, как смерть – святыни – всем.

Запрет на Кремль? Запрета нет на крылья!

И потому – запрета нет на Кремль!

Страстной понедельник 1918

«Марина! Спасибо за мир...»
– Марина! Спасибо за мир!

Дочернее странное слово.

И вот – расступился эфир

Над женщиной светлоголовой.

Но рот напряжен и суров.

Умру, – а восторга не выдам!

Так с неба Господь Саваоф

Внимал молодому Давиду.

Страстной понедельник 1918

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

1. «Андрей Шенье взшел на эшафот...»
Андрей Шенье взшел на эшафот,

А я живу – и это страшный грех.

Есть времена – железные – для всех.

И не певец, кто в порохе – поет.

И не отец, кто с сына у ворот

Дрожа срывает воинский доспех.

Есть времена, где солнце – смертный грех.

Не человек – кто в наши дни живет.

17 апреля 1918

2. «Не узнаю в темноте...»
Не узнаю в темноте

Руки – свои иль чужие?

Мечется в страшной мечте

Черная консьержерия.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Руки роняют тетрадь,

Щупают тонкую шею.

Утро крадется как тать.

Я дописать не успею.

17 апреля 1918

«Не самозванка – я пришла домой...»
Не самозванка – я пришла домой,

И не служанка – мне не надо хлеба.

Я – страсть твоя, воскресный отдых твой,

Твой день седьмой, твое седьмое небо.

Там на земле мне подавали грош

И жерновов навешали на шею.

– Возлюбленный! – Ужель не узнаешь?

Я ласточка твоя – Психея!

Апрель 1918

«Страстный стон, смертный стон...»
Страстный стон, смертный стон,

А над стонами – сон.

Всем престолом – престол,

Всем законам – закон.

Где пустырь – поле ржи,

Реки с синей водой...

Только веки смежи,

Человек молодой!

В жилах – мед. Кто идет?

Это – он, это – сон –

Он уймет, он отрет

Страстный пот, смертный пот.

24 апреля 1918

«Ходит сон с своим серпом...»
Ходит сон с своим серпом,

Ходит смерть с своей косой –

Царь с царицей, брат с сестрой.

– Ходи в сени, ходи в рай!

– Ходи в дедушкин сарай!

Шли по рекам синим,

Шли мы по пустыням,

– Странники – к святыням.

– Мы тебя не при – имем!

– Мы тебя не при – имем!

– Я Христова сирота,

Растворяю ворота

Ключиком-замочком,

Шелковым платочком.

– И до вас доплелась.

– Проходи! – Бог подаст!

– Дом мой – немалый,

Мед мой – хваленый,

Розан мой – алый,

Виноград – зеленый...

Хлеба-то! Хлеба!

Дров – полон сад!

Глянь-ка на небо –

Птички летят!

25 апреля 1918

«Серафим – на орла! Вот бой...»
Евгению Багратионовичу Вахтангову

Серафим – на орла! Вот бой! –

Примешь вызов? – Летим за тучи!

В год кровавый и громовой –

Смерть от равного – славный случай.

Гнев Господень нас в мир извѣрг,

Дабы помнили люди – небо.

Мы сойдемся в Страстной Четверг
Над церковкой Бориса – и – Глеба.

Москва, Вербное воскресенье 1918

«С вербочкою светлошерстой...»
С вербочкою светлошерстой –

Светлошерстая сама –
Меряю Господни версты
И господские дома.

Вербочка! Небесный житель!
– Вместе в небо! – Погоди! –
Так и в землю положите
С вербочкою на груди.

Вербное воскресенье 1918

«Коли в землю солдаты всадили – штык...»
Коли в землю солдаты всадили – штык,
Коли красною тряпкой затмили – лик, [10]
Коли Бог под ударами – глух и нем,
Коль на Пасху народ не пустили в Кремль –

Надо бражникам старым засесть за холст,
Рыбам – петь, бабам – умствовать, птицам – ползть,
Конь на всаднике должен скакать верхом,
Новорожденных надо поить вином, [11]

Реки – жечь, мертвецов выносить – в окно,
Солнце красное в полночь всходить должно,
Имя суженой должен забыть жених...

Государыням нужно любить – простых. [12]

3-ий день Пасхи 1918

«Это просто, как кровь и пот...»
Это просто, как кровь и пот:

Царь – народу, царю – народ.

Это ясно, как тайна двух:

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Двое рядом, а третий – Дух.

Царь с небес на престол взведен:

Это чисто, как снег и сон.

Царь опять на престол взойдет –

Это свято, как кровь и пот.

7 мая 1918, 3-ий день Пасхи

(а оставалось ему жить меньше трех месяцев!)

«Орел и архангел! Господень гром...»
Орел и архангел! Господень гром!

Не храм семиглавый, не царский дом

Да будет тебе гнездом.

Нет, – Красная площадь, где весь народ!

И – Лобное место сравняв – в поход:

Птенцов – собирать – сирот.

Народ обезглавлен и ждет главы.

Уж воздуху нету ни в чьей груди.

Архангел! – Орел! – Гряди!

Не зарева рыщут, не вихрь встает,

Не радуга пышет с небес, – то Петр

Птенцам производит смотр.

7 мая 1918,

третий день Пасхи

«Змея оправдана звездой...»
Змея оправдана звездой,

Застенчивая низость – небом.

Топь – водопадом, камень – хлебом.

Чернь – Марсельезой, царь – бедой.

Стан несгибающийся – горбом

Могильным, – горб могильный – розой...

9 мая 1918

«Плоты – плоть, духу – дух...»
Плоты – плоть, духу – дух,

Плоти – хлеб, духу – весть,
Плоти – червь, духу – вздох,
Семь венцов, семь небес.

Плачь же, плоть! – Завтра прах!
Дух, не плачь! – Славься, дух!
Нынче – раб, завтра – царь
Всем семи – небесам.

9 мая 1918

«Московский герб: герой пронзает гада...»
Московский герб: герой пронзает гада.
Дракон в крови. Герой в луче. – Так надо.

Во имя Бога и души живой
Сойди с ворот, Господень часовой!

Верни нам вольность, Воин, им – живот.
Страж роковой Москвы – сойди с ворот!

И докажи – народу и дракону –
Что спят мужи – сражаются иконы.

9 мая 1918

«Заклинаю тебя от злата...»
Заклинаю тебя от злата,
От полночной вдовы крылатой,
От болотного злого дыма,
От старухи, бредущей мимо,

Змеи под кустом,
Воды под мостом,
Дороги крестом,
От бабы – постом.

От шали бухарской,
От грамоты царской,
От черного дела,
От лошади белой!

10 мая 1918

«БОГ – прав...»
БОГ – прав

Тлением трав,
Сухостью рек,
Воплем калек,

Вором и гадом,
Мором и голодом,
Срамом и смрадом,
Громом и градом.

Попранным Словом.

Проклятым годом.

Пленом царевым.

Вставшим народом. [13]

12 мая 1918

«На тебе, ласковый мой, лохмотья...»
На́ тебе, ласковый мой, лохмотья,

Бывшие некогда нежной плотью.

Всю истрепала, изорвала, –

Только осталось что два крыла.

Одень меня в свое великолепье,

Помилуй и спаси.

А бедные истлевшие отрепья

Ты в ризницу снеси.

13 мая 1918

«В черном небе слова начертаны...»
В черном небе слова начертаны –

И ослепли глаза прекрасные...

И не страшно нам ложе смертное,

И не сладко нам ложе страстное.

В поте – пишуций, в поте пашуций!

Нам знакомо иное рвение:

Легкий огонь, над кудрями пляшущий, –
Дуновение – Вдохновения!

14 мая 1918

«Простите меня, мои горы...»
«Простите меня, мои горы!

Простите меня, мои реки!

Простите меня, мои нивы!

Простите меня, мои травы!»

Мать – крест надевала солдату,

Мать с сыном прощались навеки...

И снова из сгорбленной хаты:

«Простите меня, мои реки!»

14 мая 1918

«Благословляю ежедневный труд...»
Благословляю ежедневный труд,

Благословляю еженощный сон.

Господню милость и Господень суд,

Благой закон – и каменный закон.

И пыльный пурпур свой, где столько дыр,

И пыльный посох свой, где все лучи...

– Еще, Господь, благословляю мир

В чужом дому – и хлеб в чужой печи.

21 мая 1918

«Полюбил богатый – бедную...»
Полюбил богатый – бедную,

Полюбил ученый – глупую,

Полюбил румяный – бледную,

Полюбил хороший – вредную:

Золотой – полушку медную.

– Где, купец, твое роскошество?

«Во дырявом во лукошечке!»

– Где, гордец, твои учености?

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

«Под подушкой у девчоночки!»

– Где, красавец, щеки алые?

«Зá ночь черную – растаяли».

– Крест серебряный с цепочкою?

«У девчонки под сапожками!»

Не люби, богатый, – бедную,

Не люби, ученый, – глупую,

Не люби, румяный, – бледную,

Не люби, хороший, – вредную:

Золотой – полушку медную!

Между 21 и 26 мая 1918

«Семь мечей пронзали сердце...»

Семь мечей пронзали сердце

Богородицы над Сыном.

Семь мечей пронзили сердце,

А мое – семижды семь.

Я не знаю, жив ли, нет ли

Тот, кто мне дороже сердца,

Тот, кто мне дороже Сына...

Этой песней – утешаюсь.

Если встретится – скажи.

25 мая 1918

«Слезы, слезы – живая вода...»

Слезы, слезы – живая вода!

Слезы, слезы – благая беда!

Закипайте из жарких недр,

Проливайтесь из жарких век.

Гнев Господень – широк и щедр.

Да снесет его – человек.

Дай разок вздохнуть

Свежим воздухом.

Размахни мне в грудь –
Светлым посохом!

26 мая 1918

«Наградил меня Господь...»
Наградил меня Господь
Сердцем светлым и железным,
Даром певчим, даром слезным.

Оградил меня Господь
Белым знаменем.
Обошел меня Господь
Плотским пламенем.

Выше – знамя!
Бог над нами!
Тяжче камня –
Плотский пламень!

Май 1918

«Хочешь знать мое богатство...»
Хочешь знать мое богатство?
Скакуну на свете – скачется,
Мертвым – спится, птицам – свищется.

Юным – рыщется да ищется,
Неразумным бабам – плачется.
– Слезный дар – мое богатство!

Май 1918

«Белье на речке полощу...»
Белье на речке полощу,
Два цветика своих ращу.

Ударит колокол – крещусь,
Посадят голодом – пощусь.

Душа и волосы – как шелк.
Дороже жизни – добрый толк.

Я свято соблюдаю долг.

– Но я люблю вас – вор и волк!

Между 26 мая и 4 июня 1918

«Я расскажу тебе – про великий обман...»
Я расскажу тебе – про великий обман:

Я расскажу тебе, как ниспадает туман

На молодые деревья, на старые пни.

Я расскажу тебе, как погасают огни

В низких домах, как – пришелец египетских стран –

В узкую дудку под деревом дует цыган.

Я расскажу тебе – про великую ложь:

Я расскажу тебе, как зажимается нож

В узкой руке, – как вздымаются ветром веков

Кудри у юных – и бороды у стариков.

Рокот веков.

Топот подков.

4 июня 1918

«Юношам – жарко...»
Юношам – жарко,

Юноши – рдеют,

Юноши бороду бреют.

Старость – жалеет:

Бороды греют.

(Проснулась с этими стихами 22 мая 1918)

«Осторожный троекратный стук...»
Осторожный троекратный стук.

Нежный недруг, ненадежный друг, –

Не обманешь! То не странник путь

Свой кончает. – Так стучатся в грудь –

За любовь. Так, потупив взгляд,

В светлый Рай стучится черный Ад.

6 июня 1918

«Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна...»
Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна.

Я пью. Ты жаждешь. Сговориться – тщетно.

Нас десять лет, нас сто тысячелетий
Разъединяют. – Бог мостов не строит.

Будь! – это заповедь моя. Дай – мимо
Пройти, дыханьем не нарушив роста.
Я – есмь. Ты – будешь. Через десять весен
Ты скажешь: – есть! – а я скажу: – когда-то...

6 июня 1918

«Дороги – хлебушек и мука...»
Дороги – хлебушек и мука!
Кушаем – дырку от кренделька.
Да, на дороге теперь большой
С коробом – страшно, страшней – с душой!
Тыщи – в кубышку, товар – в камыш..
Ну, а души-то не утаишь!

6 июня 1918

«Мракобесие. – Смерч. – Содом...»
Мракобесие. – Смерч. – Содом.
Берегите Гнездо и Дом.
Долг и Верность спустив с цепи,
Человек молодой – не спи!
В воротáх, как Благая Весть,
Белым стражем да встанет – Честь.

Обведите свой дом – межой,
Да не внидет в него – Чужой.
Берегите от злобы волн
Садик сына и дедов холм.
Под ударами злой судьбы –
Выше – прадедовы дубы!

6 июня 1918

«Умирая, не скажу: была...»

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Умирая, не скажу: была.

И не жаль, и не ищу виновных.
Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов любовных.

Ты, – крылом стучавший в эту грудь,
Молодой виновник вдохновенья –
я тебе повелеваю: – будь!
я – не выйду из повиновенья.

30 июня 1918

«Ночи без любимого – и ночи...»
Ночи без любимого – и ночи
С нелюбимым, и большие звезды
Над горячей головой, и руки,
Простирающиеся к Тому –
кто от века не был – и не будет,
кто не может быть – и должен быть...
и слеза ребенка по герою,
и слеза героя по ребенку,
и большие каменные горы
на груди того, кто должен – вниз...

Знаю все, что было, все, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
что на темном, на косноязычном
языке людском зовется – Жизнь.

<Между 30 июня и 6 июля 1918>

ПАМЯТИ БЕРАНЖЕ
Дурная мать! – моя дурная слава
растет и расцветает с каждым днем.
то на пирушку заведет лукавый,
то первенца забуду за пером...

Завидуя императрицам моды
и маленькой танцовщице в трико,
гляжу над люлькой, как уходят – годы,

Не видя, что уходит – молоко!

И кто из вас, ханжи, во время оно
Не пировал, забыв о платеже!
Клянусь бутылкой моего патрона
И вашего, когда-то, – Беранже!

Но одному – сквозь бури и забавы –
Я, несмотря на ветреность, – верна.
Не ошибись, моя дурная слава:
– Дурная мать, но верная жена!

6 июля 1918

«Я сказала, а другой услышал...»
Я сказала, а другой услышал
И шепнул другому, третий – понял,
А четвертый, взяв дубовый посох,
В ночь ушел – на подвиг. Мир об этом
Песнь сложил, и с этой самой песней
На устах – о жизнь! – встречаю смерть.

6 июля 1918

«Руки, которые не нужны...»
Руки, которые не нужны
Милому, служат – Миру.
Горестным званьем Мирской Жены
Нас увенчала Лира.
Много незваных на царский пир.
Надо им спеть на ужин!
Милый не вечен, но вечен – Мир.
Не понапрасну служим.

6 июля 1918

«Белизна – угроза Черноте...»
Белизна – угроза Черноте.
Белый храм грозит гробам и грому.
Бледный праведник грозит Содому

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не мечом – а лилией в щите!

Белизна! Нерукотворный круг!
Чан крестильный! Вещие седины!
Червь и чернь узнают Господина
По цветку, цветущему из рук.
Только агнца убоится – волк,
Только ангелу сдается крепость.
Торжество – в подвалах и в вертепах!
И взойдет в Столицу – Белый полк!

7 июля 1918

«Пахнет ладаном воздух. Дождь был и прошел...»
Пахнет ладаном воздух. Дождь был и прошел.
Из зияющих пастей домов –
Громовыми руладами рвется рояль,
Разрывая июньскую ночь.

Героическим громом бетховенских бурь
Город мстит...

<Между 6 и 10 июля 1918>

«Я – страница твоему перу...»
Я – страница твоему перу.
Все приму. Я белая страница.
Я – хранитель твоему добру:
Возращу и возвращу сторицей.
Я – деревня, черная земля.
Ты мне – луч и дождевая влага.
Ты – Господь и Господин, а я –
Чернозем – и белая бумага!

10 июля 1918

«Память о Вас – легким дымком...»
Память о Вас – легким дымком,
Синим дымком за моим окном.
Память о Вас – тихим домком.

Что за дымок? Что за домок?
Вот уже пол – мчит из-под ног!
Двери – с петель! Ввысь – потолок!
В синий дымок – тихий домок!

10 июля 1918

«Так, высоко запрокинув лоб...»
Так, высокó запрокинув лоб,
– Русь молодая! – Слушай!–
Опровергаю лихой поклеп
На красоту и Душу.

Над кабаком, где грехи, гроши,
Кровь, вероломство, дыры –
Встань, Триединство моей души:
Лилия – лебедь – лира!

июль 1918

«Как правая и левая рука...»
Как правая и левая рука,
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает – и бездна пролегла
От правого – до левого крыла!

10 июля 1918

«Рыцарь ангелоподобный...»
Рыцарь ангелоподобный –
долг! – Небесный часовой!
Белый памятник надгробный
На моей груди живой.

За моей спиной крылатой
Вырастающий ключарь,
Еженощный соглядатай,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ежеутренний звонарь.

Страсть, и юность, и гордыня –
Все сдалось без мятежа,
Оттого что ты рабыне
Первый молвил: – Госпожа!

14 июля 1918

«Доблесть и девственность! – Сей союз...»
Доблесть и девственность! – Сей союз

Древен и дивен, как Смерть и Слава.
Красною кровью своей клянусь
И головою своей кудрявой –

Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божественной ноши – Мира!
Нежную руку кладу на меч:
На лебединую шею Лиры.

27 июля 1918

«Свинцовый полдень деревенский...»
Свинцовый полдень деревенский.

Гром отступающих полков.
Надменно–нежный и не женский
Блаженный голос с облаков:

– Вперед на огненные муки!
В ручьях овечьего руна
Я к небу воздеваю руки –
Как – древле – девушка одна...

Июль 1918

«Мой день беспутен и нелеп...»
Мой день беспутен и нелеп:

У нищего прошу на хлеб,
Богатому даю на бедность,

В иголку продеваю – луч,
Грабителю вручаю – ключ,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Белилами румяню бледность.

Мне нищий хлеба не дает,
Богатый денег не берет,
Луч не вдевается в иголку,

Грабитель входит без ключа,
А дура плачет в три ручья –
Над днем без славы и без толку.

27 июля 1918

«Клонится, клонится лоб тяжелый...»
Клонится, клонится лоб тяжелый,
Колосом клонится, ждет жнеца.
Друг! Равнодушие – дурная школа!
Ожесточает оно сердца.

Жнец – милосерден: сожнет и свяжет,
Поле опять прорастет травой...
А равнодушного – Бог накажет!
Страшно ступать по душе живой.

Друг! Неизжитая нежность – душит.
Хоть на алтын полюби – приму!
Друг равнодушный! – Так страшно слушать
Черную полночь в пустом доме!

Июль 1918

«Есть колосья тучные, есть колосья тощие...»
Есть колосья тучные, есть колосья тощие.
Всех – равно – без промаху – бьет Господен цеп.
Я видала нищего на соборной площади:
Сто годов без малости, – и просил на хлеб.

Борода столетняя! – Чай, забыл, что смолоду
Есть беда насущнее, чем насущный хлеб.
Ты на старость, дедушка, просишь, я – на молодость!
Всех равно – без промаху – бьет Господен цеп!

5 августа 1918

«Где лебеди? – А лебеди ушли...»
– Где лебеди? – А лебеди ушли.
– А вóроны? – А вóроны – остались.
– Куда ушли? – Куда и журавли.
– Зачем ушли? – Чтоб крылья не достались.

– А папа где? – Спи, спи, за нами Сон,
Сон на степном коне сейчас приедет.
– Куда возьмет? – На лебединый дон.
Там у меня – ты знаешь? – белый лебедь...

9 августа 1918

«Белогвардейцы! Гордиев узел...»
Белогвардейцы! Гордиев узел
Доблести русской!
Белогвардейцы! Белые грузди
Песенки русской!
Белогвардейцы! Белые звезды!
С неба не выскрести!
Белогвардейцы! Черные гвозди
В ребра Антихристу!

9 августа 1918

«Пусть не помнят юные...»
Пусть не помнят юные
О согбенной старости.
Пусть не помнят старые
О блаженной юности.

Все уносят волны.
Море – не твое.
На людские головы
Лейся, забытье!

Пешеход морщинистый,
Не любуйся парусом!
Ах, не надо юностью

Любоваться – старости!

Кто в песок, кто – в школу.

Каждому свое.

На людские головы

лейся, забытье!

Не учись у старости,

Юность златорунная!

Старость – дело темное,

Темное, безумное.

...На людские головы

лейся, забытье!

9 августа 1918

«Ночь – преступница и монашка...»
Ночь – преступница и монашка.

Ночь проходит, потупив взгляд.

Дышит – часто и дышит – тяжело.

Ночь не любит, когда глядят.

Не стоит со свечой во храме,

Никому не жена, не дочь.

Ночь ночует на твердом камне,

Никого не целует ночь.

Даром, что сквозь

Слезинки – свещем,

Даром, что – врозь

По свету рыщем, –

Нет, не помочь!

Завтра ль, сегодня –

Скрутит нас

Старая сводня –

Ночь!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
9 августа 1918

«День – плащ широкошумный...»
День – плащ широкошумный,

Ночь – бархатная шуба.

кто – умный, кто – безумный,

всяк выбирай, что любо!

Друзья! Трубите в трубы!

Друзья! Взводите срубы!

Одел меня по губы

Сон – бархатная шуба.

12 августа 1918

«Не по нраву я тебе – и тебе...»
Не по нраву я тебе – и тебе,

и тебе еще – и целой орде.

Пышен волос мой – да мало одёж!

Вышла голосом – да нрав нехорош!

Полно, дева-царь! Себя – не мытарь!

Псарь не жалуется – пожалует – царь!

14 августа 1918

«Стихи растут, как звезды и как розы...»
Стихи растут, как звезды и как розы,

Как красота – ненужная в семье.

А на венцы и на апофеозы –

Один ответ: – Откуда мне сие?

Мы спим – и вот, сквозь каменные плиты,

Небесный гость в четыре лепестка.

О мир, пойми! Певцом – во сне – открыты

Закон звезды и формула цветка.

14 августа 1918

«Пожирающий огонь – мой конь...»
Пожирающий огонь – мой конь!

Он копытами не бьет, не ржет.

Где мой коньдохнул – родник не бьет,

Где мой коньмахнул – трава не растёт.

Ох, огонь мой конь – несытый едок!
Ох, огонь на нем – несытый ездок!
С красной гривой свились волоса...
Огневая полоса – в небеса!

14 августа 1918

«Каждый стих – дитя любви...»
Каждый стих – дитя любви,
Нищий незаконнорожденный.
Первенец – у колени
На поклон ветрам – положенный.

Сердцу ад и алтарь,
Сердцу – рай и позор.
Кто отец? – Может – царь.
Может – царь, может – вор.

14 августа 1918

«Надобно смело признаться, Лира...»
Надобно смело признаться, Лира!
Мы тяготели к великим мира:
Мачтам, знаменам, церквам, царям,
Бардам, героям, орлам и старцам,
Так, присягнувши на верность – царствам,
Не доверяют Шатра – ветрам.

Знаешь царя – так псаря не жалуй!
Верность как якорем нас держала:
Верность величью – вине – беде,
Верность великой вине венчанной!
Так, присягнувши на верность – Хану,
Не присягают его орде.

Ветренный век мы застали, Лира!
Ветер в клоки изодрав мундиры,
Треплет последний лоскут Шатра...
Новые толпы – иные флаги!

Мы ж остаемся верны присяге,
Ибо дурные вожди – ветра.

14 августа 1918

«Мое убежище от диких орд...»
Мое убежище от диких орд,
Мой щит и панцирь, мой последний форт
От злобы добрых и от злобы злых –
Ты – в самых ребрах мне засевший стих!

16 августа 1918

«А потом поили медом...»
А потом поили медом,
А потом поили брагой,
Чтоб потом, на месте лобном,
На коленках признавалась
В несодеянных злодействах!

Опостылили мне вина,
Опостылили мне яства.
От великого богатства
Заступи, заступник – заступ!

18 августа 1918

ГЕНИЮ
Крестили нас – в одном чану,
Венчали нас – одним венцом,
Томили нас – в одном плену,
Клеймили нас – одним клеймом.

Поставят нам – единый дом.
Прикроют нас – одним холмом.

18 августа 1918

«Если душа родилась крылатой...»
Если душа родилась крылатой –
Что ей хоромы – и что ей хаты!
Что Чингис-Хан ей и что – Орда!
Два на миру у меня врага,

Два близнеца, неразрывно-слитых:
Голод голодных – и сытость сытых!

18 августа 1918

АЛЕ

1. «Не знаю, где ты и где я...»
Не знаю, где ты и где я.

Те ж песни и те же заботы.

Такие с тобою друзья!

Такие с тобою сироты!

И так хорошо нам вдвоем:

Бездомным, бессонным и сирым...

Две птицы: чуть встали – поём.

Две странницы: кормимся миром.

2. «И бродим с тобой по церквам...»
И бродим с тобой по церквам

Великим – и малым, приходским.

И бродим с тобой по домам

Убогим – и знатным, господским.

Когда-то сказала: – Купи! –

Сверкнув на кремлевские башни.

Кремль – твой от рождения. – Спи,

Мой первенец светлый и страшный.

3. «И как под землю трава...»
И как под землю трава

Дружится с рудой железной, –

Все видят пресветлые два

Провала в небесную бездну.

Сивилла! – Зачем моему

Ребенку – такая судьбина?

Ведь русская доля – ему...

И век ей: Россия, рябина...

24 августа 1918

«Безупречен и горд...»
Безупречен и горд

В небо поднятый лоб.
Непонятен мне герб,
И не страшен мне гроб.

Меж вельмож и рабов,
Меж горбов и гербов,
Землю роющих лбов –
Я – из рода дубов.

26 августа 1918

«Ты мне чужой и не чужой...»
Ты мне чужой и не чужой,
Родной и не родной,
Мой и не мой! Идя к тебе
Домой – я «в гости» не скажу,
И не скажу «домой».

Любовь – как огненная печь:
А все ж и кольцо – большая вещь,
А все ж и алтарь – великий свет.
– Бог – не благословил!

26 августа 1918

«Там, где мед – там и жало...»
Там, где мед – там и жало.
Там, где смерть – там и смелость.
Как встречалось – не знала,
А уж так: встрелось – спелось.

В поле дуб великий, –
Разом рухнул главою!
Так, без женского крика
И без бабьего вою –

Разлучаюсь с тобою:
Разлучаюсь с собою,
Разлучаюсь с судьбою.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
26 августа 1918

«Кто дома не строил...»
Кто дома не строил –

Земли недостоин.

Кто дома не строил –

Не будет землю:

Соломой – золою...

– Не строила дома.

26 августа 1918

«Проще и проще...»
Проще и проще

Пишется, дышится.

Зорче и зорче

Видится, слышится.

Меньше и меньше

Помнится, любится.

– Значит уж скоро

Посох и рубище.

26 августа 1918

«Со мной не надо говорить...»
Со мной не надо говорить,

Вот губы: дайте пить.

Вот волосы мои: погладь.

Вот руки: можно целовать.

– А лучше дайте спать.

28 августа 1918, Успение

«Что другим не нужно – несите мне...»
Что другим не нужно – несите мне:

Все должно сгореть на моем огне!

Я и жизнь маню, я и смерть маню

В легкий дар моему огню.

Пламень любит легкие вещества:

Прошлогодний хворост – венки – слова...

Пламень пышет с подобной пищи!
Вы ж восстанете – пепла чище!

Птица-феникс я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю и горю до тла,
И да будет вам ночь светла.

Ледяной костер, огневой фонтан!
Высоко несу свой высокий стан,
Высоко несу свой высокий сан –
Собеседницы и Наследницы!

2 сентября 1918

«Под рокот гражданских бурь...»
Под рокот гражданских бурь,
В лихую годину,
Даю тебе имя – мир,
В наследье – лазурь.

Отыйди, отыйди, Враг!
Храни, Триединый,
Наследницу вечных благ
Младенца Ирину!

8 сентября 1918

«Колыбель, оваянная красным...»
Колыбель, оваянная красным!
Колыбель, качаемая чернью!
Гром солдат – вдоль храмов – за вечерней...
А ребенок вырастет – прекрасным.

С молоком кормилицы рязанской
Он всосал наследственные блага:
Триединство Господа – и флага.
Русский гимн – и русские пространства.

В нужный День, на Божьем солнце ясном,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вспомнит долг дворянский и дочерний –

Колыбель, качаемая чернью,
колыбель, оваянная красным! [14]

8 сентября 1918

«Офицер гуляет с саблей...»
Офицер гуляет с саблей,
А студент гуляет с книжкой.
Служим каждому мальчишке:
Наше дело – бабье, рабье.

Сад цветочками засажен –
Сапожищами зашибли.
Что увидели – не скажем:
Наше дело – бабье, рыбье.

9 сентября 1918

ГЛАЗА
Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза,
Зеленые – соленые –
Крестьянские глаза!

Была бы бабою простой –
Всегда б платили за постой –
Все эти же – веселые –
Зеленые глаза.

Была бы бабою простой –
От солнца б застилась рукой,
Качала бы – молчала бы,
Потупивши глаза.

Шел мимо паренек с лотком..
Спят под монашеским платком
Смиренные – степенные –
Крестьянские глаза.

Привычные к степям – глаза,

Привычные к слезам – глаза...

Что видели – не выдадут

Крестьянские глаза!

9 сентября 1918

«А взойдешь – на краешке стола...»

А взойдешь – на краешке стола –

Недоеденный ломоть, – я ела,

И стакан неполный – я пила,

....., –я глядела.

Ты присядь на красную скамью,

Пей и ешь – и не суди сурово!

Я теперь уже не ем, не пью,

Я пою – кормлю орла степного.

28 сентября 1918

1918 ГОД

(Отрывок из баллады)

...Корабль затонул – без щеп,

Король затанцевал в Совете,

Зерна не выбивает щеп,

Ромео не пришел к Джульетте,

Клоун застрелился на рассвете,

Вождь слушает ворожею...

(А балладу уничтожила: слабая. 1939 г.)

«Два цветка ко мне на грудь...»

Два цветка ко мне на грудь

Положите мне для воздуха.

Пусть нарядной тронусь в путь, –

Заработала я отдых свой.

В год.....

Было у меня две дочери, –

Так что мучилась с мукой

И за всем вставала в очередь.

Подойдет и поглядит

Смерть – усердная садовница.
Скажет – «Бог вознаградит, –
Не бесплодная смоковница!»

30 сентября 1918

«Ты дал нам мужества...»
Ты дал нам мужества –
На сто жизней!
Пусть земли кружатся,
Мы – недвижны.

И ребра – стойкие
На мытарства:
Дабы на койке нам
Помнить – Царство!

Свое подобье
Ты в небо поднял –
Великой верой
В свое подобье.

Так дай нам вздоху
И дай нам поту –
Дабы снести нам
Твои щедроты!

30 сентября 1918

«Поступью сановнически-гордой...»
Поступью сановнически-гордой
Прохожу сквозь строй простонародья.
На груди – ценою в три уголья –
Господом пожалованный орден.

Нынче праздник слуг нелицемерных:
Целый дождь – в подхваченные полы!
Это Царь с небесного престола
Орденами оделяет – верных.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Руки прочь, народ! Моя – добыча!

И сияет на груди суровой
Страстный знак Величья и Отличья,
Орден Льва и Солнца – лист кленовый.

8 октября 1918

Сергиев день

«Был мне подан с высоких небес...»
Был мне подан с высоких небес

Меч серебряный – воинский крест.

Был мне с неба пасхальный тропарь:
– Иоанна! Восстань, Дева-Царь!

И восстала – миры побороть –
Посвященная в рыцари – Плоть.

Подставляю открытую грудь.

Познаю серединную суть.

Обязуюсь гореть и тонуть.

8 октября 1918

«Отнимите жемчуг – останутся слезы...»
Отнимите жемчуг – останутся слезы,

Отнимите золото – останутся листья

Осеннего клена, отнимите пурпур –

Останется кровь.

9 октября 1918

«Над черною пучиной водною...»
Над черною пучиной водною –

Последний звон.

Лавиною престонародною

Низринут трон.

Волóчится кровавым вóлоком

Пурпур царей.

Греми, греми, последний колокол

Русских церквей!

Кропите, слезные жемчужинки,
Трон и алтарь.
Крепитесь, верные содружники:
Церковь и царь!

Цари земные низвергаются.
– Царствие! – Будь!
От колокола содрогаются
Город и грудь.

9 октября 1918

«Молодой колоколенкой...»
Молодой колоколенкой
Ты любишься – в воздухе.
Голосок у ней тоненький,
В ясном куполе – звездочки.

Куполок твой золотенький,
Ясны звезды – под лобиком.
Голосочек твой тоненький,
Ты сама колоколенка.

Октябрь 1918

«Любовь! Любовь! Куда ушла ты...»
Любовь! Любовь! Куда ушла ты?
– Оставила свой дом богатый,
Надела воинские латы.

– Я стала Голосом и Гневом,
Я стала Орлеанской Девой.

10 октября 1918

«Осень. Деревья в аллее – как воины...»
Осень. Деревья в аллее – как воины.
Каждое дерево пахнет по-своему.
Войско Господне.

14 октября 1918

«Ты персияночка – луна, а месяц – турок...»

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ты персияночка – луна, а месяц – турок,

Ты полоняночка, луна, а он – наездник,

Ты нарумянена, луна, а он, поджарый,

Отроду желт, как Знание и Знать.

Друг! Буду Вам верна, доколе светят:

Персидская луна – турецкий месяц.

14 октября 1918

«Утро. Надо чистить чаши...»

Утро. Надо чистить чаши,

Надо розы поливать.

Полдень. Смуглую маслину

Держат кончики перстов.

Колокол звонит. Четыре.

Голос. Ангельская весть.

Розы политы вторично.

Звон. Вечерняя заря.

Ночь. Чугунная решетка.

Битва голосов и крыл.

15 октября 1918

«А всему предпочла...»

А всему предпочла

Нежный воздух садовый.

В монастырском саду,

Где монашки и вдовы,

– И монашка, и мать –

В добровольной опале,

Познаю благодать

Тишины и печали.

Благодать ремесла,

Прелесть твердой основы

– Посему предпочла

Нежный воздух садовый.

В неизвестном году
Ляжет строго и прямо
В монастырском саду –
Многих рыцарей – Дама,
Что казне короля
И глазам Казановы –
Что всему предпочла
Нежный воздух садовый!

15 октября 1918

«Дочери катят серсо...»
Дочери катят серсо,
Матери катят – сердца.
И по дороге столбом
Пыль от сердец и серсо.

15 октября 1918

«Не смущаю, не пою...»
Не смущаю, не пою
Женскою отравою.
Руку верную даю –
Пишущую, правую.

Той, которую крещу
На ночь – ненаглядную
Той, которую пишу
То, что Богом задано.

Левая – она дерзка,
Льстивая, лукавая.
Вот тебе моя рука –
Праведная, правая!

23 октября 1918

«Героизму пристало стынуть...»
Героизму пристало стынуть.

Холод статен, как я сама.
Здравствуй, – белая-свет-пустыня,
Героическая зима!

Белый всадник – мой друг любимый,
Нынче жизнь моя – лбом в снегу.
В первый раз воспеваю зиму
В восемнадцатом сем году.

23 октября 1918

«Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли...»
Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли,
А останетесь вы в песне – белы-лебеди!

Знамя, шитое крестами, в саван выцвело.
А и будет ваша память – белы-рыцари.

И никто из вас, сынки! – не воротится.
А ведет ваши полки – Богородица!

25 октября 1918

«Я берег покидал туманный Альбиона...»
Я берег покидал туманный Альбиона...

Батюшков.
«Я берег покидал туманный Альбиона»...

Божественная высь! – Божественная грусть!
Я вижу тусклых вод взволнованное лоно
И тусклый небосвод, знакомый наизусть.

И, прислоненного к вольнолюбивой мачте,
Укутанного в плащ – прекрасного, как сон –
Я вижу юношу. – О плачьте, девы, плачьте!
Плачь, мужественность! – Плачь, туманный Альбион!

Свершилось! – Он один меж небом и водою!
Вот школа для тебя, о, ненавистник школ!
И в роковую грудь, пронзенную звездою,
Царь роковых ветров врывается – Эол.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
А рокот тусклых вод слагается в балладу

О том, как он погиб, звездою заклеимен...

Плачь, юность! – Плачь, Любовь! – Плачь, Мир! –

Рыдай, Эллада!

Плачь, крошка Ада! – Плачь, туманный Альбион!

30 октября 1918

«Сладко вдвоем – на одном коне...»
Сладко вдвоем – на одном коне,

В том же челне – на одной волне,

Сладко вдвоем – от одной краюшки –

Слаще всего – на одной подушке.

1 ноября 1918

«Поступь легкая моя...»
Поступь легкая моя,

– Чистой совести примета –

Поступь легкая моя,

Песня звонкая моя –

Бог меня одну поставил

Посреди большого света.

– Ты не женщина, а птица,

Посему – летай и пой.

1 ноября 1918

«На плече моем на правом...»
На плече моем на правом

Примостился голубь-утро,

На плече моем на левом

Примостился филин-ночь.

Прохожу, как царь казанский.

И чего душе бояться –

Раз враги соединились,

Чтоб вдвоем меня хранить!

2 ноября 1918

«Чтобы помнил не часочек, не годок...»

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Чтобы помнил не часочек, не годок –

Подарю тебе, дружочек, гребешок.

Чтобы помнили подружек мил-дружки –

Есть на свете золотые гребешки.

Чтоб дружочку не пилось без меня –

Гребень, гребень мой, расческа моя!

Нет на свете той расчески чудней:

Струны – зубья у расчески моей!

Чуть притронешься – пойдет трескотня

Про меня одну, да все про меня.

Чтоб дружочку не спалось без меня –

Гребень, гребень мой, расческа моя!

Чтобы чудился в жару и в поту

От меня ему вершочек – с версту,

Чтоб ко мне ему все версты – с вершок,

Есть на свете золотой гребешок.

Чтоб дружочку не жилось без меня –

Семиструнная расческа моя!

2 ноября 1918

«Кружка, хлеба краюшка...»

Кружка, хлеба краюшка

Да малинка в лукошке,

Эх, – да месяц в окошке, –

Вот и вся нам пирушка!

А мальчишку – погреться –

Подарите в придачу –

я тогда и без хлебца

Никогда не заплачу!

2 ноября 1918

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Развела тебе в стакане...»
Развела тебе в стакане

Горстку жженных волос.

Чтоб не елось, чтоб не пелось,

Не пилося, не спалось.

Чтобы младость – не в радость,

Чтобы сахар – не в сладость,

Чтоб не ладил в тьме ночной

С молодой женой.

Как власы мои златые

Стали серой золой,

Так года твои младые

Станут белой зимой.

Чтоб ослеп-оглох,

Чтоб иссох, как мох,

Чтоб ушел, как вздох.

3 ноября 1918

АЛЕ

Есть у тебя еще отец и мать,

А все же ты – Христова сирота.

Ты родилась в водовороте войн, –

А все же ты поедешь на Иордань.

Без ключика Христовой сироте

Откроются Христовы ворота.

5 ноября 1918

«Царь и Бог! Простите малым...»

Царь и Бог! Простите малым

Слабым – глупым – грешным – шалым,

В страшную воронку втянутым,

Обольщенным и обманутым, –

Царь и Бог! Жестокой казнию

Не казните Сашеньку Разина!

Царь! Господь тебе отплатит!
С нас сиротских воплей – хватит!
Хватит, хватит с нас покойников!
Царский Сын, – прости Разбойнику!

В отчий дом – дороги разные.
Пощадите Стеньку Разина!

Разин! Разин! Сказ твой сказан!
Красный зверь смирен и связан.
Зубья страшные поломаны,
Но за жизнь его за темную,

Да за удаль несуразную –
Развяжите Стеньку Разина!

Родина! Исток и устье!
Радость! Снова пахнет Русью!
Просияйте, очи тусклые!
Веселися, сердце русское!

Царь и Бог! Для ради празднику –
Отпустите Стеньку Разина! [15]

Москва, 1-ая годовщина Октября.

«Мир окончится потопом...»
– Мир окончится потопом.
– Мир окончится пожаром;
Так вода с огнем, так дочь
С матерью схватились в полночь.
– Дух Святой – озерный голубь,
Белый голубочек с веткой.
– Пламенный язык над <русым>
Теменем – и огонь в гортани.

7 ноября 1918

«Песня поется, как милый любит...»
Песня поется, как милый любит:

Радостно! – Всею грудью!
Что из того, что она забудется –
Богу пою, не людям!

Песня поется, как сердце бьется –
Жив, так поёшь...

9 ноября 1918

«Дело Царского Сына...»
Дело Царского Сына –
Быть великим и добрым.

.....

Чтить голодные ребра,
Выть с последней солдаткой,
Пить с последним бродягой,
Спать.....
В сапогах и при шпаге.

А еще ему дело:
Встать в полночную пору,
Прочь с дороженьки белой –
Ввысь на вышнюю гору...

Над пучиной согнуться,
Бросить что-то в пучину...
– Никогда не вернуться –
Дело Царского Сына!

9 ноября 1918

«Благодарю, о Господь...»
Благодарю, о Господь,
За Океан и за Сушу,
И за прелестную плоть,
И за бессмертную душу,
И за горячую кровь,

И за холодную воду.

– Благодарю за любовь.

Благодарю за погоду.

9 ноября 1918

«Радость – что сахар...»

Радость – что сахар,

Нету – и охаеть,

А завелся как –

Через часочек:

Сладко, да тошно!

Горе ты горе, – соленое море!

Ты и накормишь,

Ты и напоишь,

Ты и закружишь,

Ты и отслужишь!

9 ноября 1918

«Красный бант в волосах!..»

Красный бант в волосах!

Красный бант в волосах!

А мой друг дорогой –

Часовой на часах.

Он под ветром холодным,

Под холодной луной,

У палатки походной –

Что столб соляной.

Подкрадусь к нему тихо –

Зычно крикнет: – «Пароль!»

– Это я! – Проходи-ка,

Здесь спит мой Король!

– Это я, мое сердце,

Это – сердце твое!

– Здесь для шуток не место,

Я возьму под ружье.

– Не проспать бы обедни

Твоему Королю!

– В третий раз – и в последний:

Проходи, говорю!

Грянет выстрел. На вереск

Упаду – хоть бы звук.

Поглядит он на Север,

Поглядит он на Юг,

На Восток и на Запад.

– Не зевай на часах! –

Красный бант в волосах!

Красный бант в волосах!

10 ноября 1918

«нет, с тобой, дружочек чудный...»

Нет, с тобой, дружочек чудный,

Не делиться мне досугом.

Я сдружилась с новым другом,

С новым другом, с сыном блудным.

У тебя – дворцы-палаты,

У него – леса-пустыни,

У тебя – войска-солдаты,

У него – пески морские.

Нынче в море с ним гуляем,

Завтра по лесу с волками.

Что ни ночь – постель иная:

Нынче – щебень, завтра – камень.

И уж любит он, сударик,

Чтобы светло, как на Пасху:

Нынче месяц нам фонарик,

Завтра звезды нам лампадки.

Был он всадником завидным,
Милым гостем, Царским Сыном, –
Да глаза мои увидел –
И войска свои покинул.

10 ноября 1918

«Новый Год. Ворох роз...»
Новый Год. Ворох роз.
Старый лорд в богатой раме.
Ты мне ленточку принес?
Дэзи стала знатной дамой.

С длинных крыл – натечет.
Мне не надо красной ленты.
Здесь не больно почет
Серафимам и студентам.

Что? Один не уйдешь,
Увези меня на Мальту.
Та же наглость и то ж
Несравненное контральто!

Новый Год! Новый Год!
Чек на Смитсона в букете!
– Алчет у моих ворот
Зябкий серафим Россетти!

10 ноября 1918

«Ты тогда дышал и бредил Кантом...»
Ты тогда дышал и бредил Кантом.
Я тогда ходила с красным бантом.
Бриллиантов не было и <франтов>

.....

Ели мы горох и чечевицу.
Ты однажды с улицы певицу
– Мокрую и звонкую, как птица –

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В дом привел. Обедали втроем.

А потом –..... как боги –
Говорили о горячем гроге
И, дрожа, протягивали ноги
В черную каминную дыру.

Пили воду –..... попойка! –
Ты сказал: – «Теперь, сестричка, спойте!»
И она запела нам о стойкой
Всаднице и юном короле.

Ты сказал: «Любовь и Дружба – сестры»,
И она надела мне свой пестрый
Мокрый бант – и вспыхнул – красный остров! –
.....

Целовались – и играли в кости.
Мы с тобой уснули на помосте
Для углей, – звонкоголосой гостье
Уступив единственный тюфяк.

10 ноября 1918

БАРАБАНЩИК
1. «Барабанщик! Бедный мальчик...»
Барабанщик! Бедный мальчик!

Вправо-влево не гляди!
Проходи перед народом
С Божьим громом на груди.

Не наемник ты – вся ноша
На груди, не на спине!
Первый в глотку смерти вброшен
На ногах – как на коне!

Мать бежала спелой рожью,
Мать кричала в облака,
Воззывала: – Матерь Божья,
Сберегите мне сына!

Бедной матери в оконце
Вечно треплется платок.

– Где ты, лагерное солнце!
Алый лагерный цветок!

А зато – какая воля –
В подмастерьях – старший брат,
Средний в поле, третий в школе,
Я один – уже солдат!

Выйдешь цел из перебранки –
Что за радость, за почет,
Как красотка-маркитантка
Нам стаканчик поднесет!

Унтер ропщет: – Эх, мальчонка!
Рано начал – не к добру!
– Рано начал – рано кончил!
Кто же выпьет, коль умру?

А настигнет смерть-волчица –
Весь я тут – вся недолга!
Императору – столицы,
Барабанщику – снега.

А по мне – хоть дно морское!
Пусть сам черт меня заест!
Коли Тот своей рукою.
Мне на грудь нацепит крест!

11 ноября 1918

2. «Молоко на губах не обсохло...»
Молоко на губах не обсохло,
День и ночь в барабан колочу.
Мать от грохота было оглохла,
А отец потрепал по плечу.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мать и плачет и стонет и тужит,

Но отцовское слово – закон:

– Пусть идет Императору служит, –
Барабанщиком, видно, рожден.

Брали сотнями царства, – столицы
Мимоходом совали в карман.
Порешили судьбу Аустерлица
Двое: солнце – и мой барабан.

Полегло же нас там, полегло же
За величье имперских знамен!
Веселись, барабанная кожа!
Барабанщиком, видно, рожден!

Загоняли мы немца в берлогу.
Всадник. Я – барабанный салют.
Руки скрещены. В шляпе трирогой.
– Возраст? – Десять. – Не меньше ли, плут?

– Был один, – тоже ростом не вышел.
Выше солнца теперь вознесен!
– Ты потише, дружок, потише!
Барабанщиком, видно, рожден!

Отступилась от нас Богоматерь,
Не пошла к московитским волкам.
Дальше – хуже. В плену – Император,
На отчаянье верным полкам.

И молчит собеседник мой лучший,
Сей рукою к стене пригвожден.
И никто не побьет в него ручкой:
Барабанщиком, видно, рожден!

12 ноября 1918

«Мать из хаты за водой...»
Мать из хаты за водой,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
А в окно – дружочек:

Голубочек голубой,
Сизый голубочек.

Коли днем одной – тоска,
Что же в темь такую?
И нежнее голубка
Я сама воркую.

С кем дружился в ноябре –
Не забудь в июле.

.....
Гули-гули-гули.

.....
Возвратилась мать!

.....
Ладно – ворковать!

Чтобы совы страсть мою
Стоном не спугнули –
У окна стою – пою:
Гули-гули-гули.

Подари-ка золотой
Сыну на зубочек,
Голубочек голубой,
Сизый голубочек!

14 ноября 1918

«Соловьиное горло – всему взамен...»
Соловьиное горло – всему взамен! –

Получила от певчего бога – я.

Соловьиное горло! –

Рокочи, соловьиная страсть моя!

Сколько в горле струн – все сорву до тла!

Соловьиное горло свое сберечь

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
На на тот на свет – соловьем пришла!

.....

20 ноября 1918

«Я счастлива жить образцово и просто...»
Я счастлива жить образцово и просто:

Как солнце – как маятник – как календарь.
Быть светской пустыннолицей стройного роста,
Премудрой – как всякая Божия тварь.

Знать: Дух – мой сподвижник, и Дух – мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато, –
Как Бог повелел и друзья не велят.

22 ноября 1919

«Вот: слышится – а слов не слышу...»
Вот: слышится – а слов не слышу,
Вот: близится – и тьмится вдруг...
Но знаю, с поля – или свыше –
Тот звук – из сердца ли тот звук...

– Вперед на огненные муки! –
В волнах овечьего руна
Я к небу воздеваю руки –
Как – древле – девушка одна...

<1918–1939>

КОМЕДЬЯНТ
– Посвящение –

– Комедьянту, игравшему Ангела, –
или Ангелу, игравшему Комедьянта –
не все равно ли, раз – Вашей милостью –
я, вместо снежной повинности Москвы
19 года несла – нежную.

1. «Я помню ночь на склоне ноября...»
Я помню ночь на склоне ноября.

Туман и дождь. При свете фонаря
Ваш нежный лик – сомнительный и странный,
Страница 112

По-диккенсовски – тусклый и туманный,
Знобящий грудь, как зимние моря..
– Ваш нежный лик при свете фонаря.

И ветер дул, и лестница вилась..
От Ваших губ не отрывая глаз,
Полусмеясь, свивая пальцы в узел,
Стояла я, как маленькая Муза,
Невинная – как самый поздний час..
И ветер дул и лестница вилась.

А на меня из-под усталых вежд
Струился сонм сомнительных надежд.
– Затронув губы, взор змеился мимо... –
Так серафим, томимый и хранимый
Таинственную святостью одежд,
Прельщает Мир – из-под усталых вежд.

Сегодня снова диккенсова ночь.
И тоже дождь, и так же не помочь
Ни мне, ни Вам, – и так же хлещут трубы,
И лестница летит... И те же губы..
И тот же шаг, уже спешащий прочь –
Туда – куда-то – в диккенсову ночь.

2 ноября 1918

2. «Мало ли запястий...»
Мало ли запястий

Плелось, вилось?
Что тебе запястье
Мое – далось?

Всё кругом да около –
Что кот с мышом!
Нет, – очами, сокол мой,
Глядят – не ртом!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
19 ноября 1918

3. «Не любовь, а лихорадка...»
Не любовь, а лихорадка!

Легкий бой лукав и лжив.
Нынче тошно, завтра сладко,
Нынче помер, завтра жив.

Бой кипит. Смешно обоим:
Как умен – и как умна!
Героиней и героем
я равно обольщена.

Жезл пастуший – или шпага?
Зритель, бой – или гавот?
Шаг вперед – назад три шага,
Шаг назад – и три вперед.

Рот как мед, в очах доверье,
Но уже взлетает бровь.
Не любовь, а лицемерье,
Лицедейство – не любовь!

И итогом этих (в скобках –
несодеянных!) грехов –
будет легонькая стопка
восхитительных стихов.

20 ноября 1918

4. «Концами шали...»
Концами шали

Вяжу печаль твою.
И вот – без шали –
на площадях пою.

Снято проклятие!
я госпожа тебе!

20 ноября 1918

5. «Дружить со мной нельзя, любить меня – не можно...»

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дружить со мной нельзя, любить меня – не можно!

Прекрасные глаза, глядите осторожно!

Баркасу должно плыть, а мельнице – вертеться.

Тебе ль остановить кружасьее сердце?

Порукою тетрадь – не выйдешь господином!

Пристало ли вздыхать над действием комедийным?

Любовный крест тяжел – и мы его не тронем.

Вчерашний день прошел – и мы его схороним.

20 ноября 1918

6. «Волосы я – или воздух целую...»
Волосы я – или воздух целую?

Веки – иль веянье ветра над ними?

Губы – иль вздох под губами моими?

Не распознаю и не расколдую.

Знаю лишь: целой блаженной эпохой,
Царственным эпосом – струнным и странным –
Приостановится...

Это короткое облачко вдоха.

Друг! Все пройдет на земле, – аллилуйя!

Вы и любовь, – и ничто не воскреснет.

Но сохранит моя темная песня –

Голос и волосы: струны и струи.

22 ноября 1918

7. «Не успокоюсь, пока не увижу...»
Не успокоюсь, пока не увижу.

Не успокоюсь, пока не услышу.

Вашего взора пока не увижу,

Вашего слова пока не услышу.

Что-то не сходится – самая малость!

Кто мне в задаче исправит ошибку?

Солоно-солоно сердцу досталась

– Баба! – мне внуки на урне напишут.

И повторяю – упрямо и слабо:

Не успокоюсь, пока не увижу,

Не успокоюсь, пока не услышу.

23 ноября 1918

8. «Вы столь забывчивы, сколь незабвенны...»
Вы столь забывчивы, сколь незабвенны.

– Ах, Вы похожи на улыбку Вашу! –

Сказать еще? – Златого утра краше!

Сказать еще? – Один во всей вселенной!

Самой Любви младой военнопленный,

Рукой Челлини ваянная чаша.

Друг, разрешите мне на лад старинный

Сказать любовь, нежнейшую на свете.

Я Вас люблю. – В камине воеет ветер.

Облокотясь – уставясь в жар каминный –

Я Вас люблю. Моя любовь невинна.

Я говорю, как маленькие дети.

Друг! Все пройдет! Виски в ладонях сжаты,

Жизнь разожмет! – Младой военнопленный,

Любовь отпустит вас, но – вдохновенный –

Всем пророкочет голос мой крылатый –

О том, что жили на земле когда-то

Вы – столь забывчивый, сколь незабвенный!

25 ноября 1918

9. «Короткий смешок...»
Короткий смешок,

Открывающий зубы,

И легкая наглость прищуренных глаз.

– Люблю Вас! – Люблю Ваши зубы и губы,

(Все это Вам сказано – тысячу раз!)

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Еще полюбить я успела – постоит! –

Мне помнится: руки у Вас хороши!
В долгу не останусь, за все – успокойтесь –
Воздам неразменной деньгою души.

Посмейтесь! Пусть нынешней ночью приснятся
Мне впадины чуть-улыбнувшихся щек.
Но даром – не надо! Давайте меняться:
Червонец за грошик: смешок – за стишок!

27 ноября 1918

10. «На смех и на зло...»
На́ смех и на́ зло:

Здравому смыслу,
Ясному солнцу,
Белому снегу –

я полюбила:

Мутную полночь,
Льстивую флейту,
Праздные мысли.

Этому сердцу
Родина – Спарта.
Помнишь лисёнка,
Сердце спартанца?

– Легче лисёнка
Скрыть под одеждой,
Чем утаить вас,
Ревность и нежность!

1 декабря 1918

11. «Мне тебя уже не надо...»
Мне тебя уже не надо,

Милый – и не оттого что
С первой почтой – не писал.

И не оттого что эти

Строки, писанные с грустью,
Будешь разбирать – смеяшь.

(Писанные мной одною –
Одному тебе! – впервые! –
Расколдуешь – не один.)

И не оттого что кудри
До щеки коснутся – мастер
Я сама читать вдвоем! –

И не оттого что вместе
– Над неясностью заглавных! –
Вы вздохнете, наклонясь.

И не оттого что дружно
Веки вдруг смежатся – труден
Почерк, – да к тому – стихи!

Нет, дружочек! – Это проще,
Это пуще, чем досада:

Мне тебя уже не надо –
Оттого что – оттого что –
Мне тебя уже не надо!

3 декабря 1918

12. «Розовый рот и бобровый ворот...»
Розовый рот и бобровый ворот –

Вот лицедеи любовной ночи.
Третьим была – Любовь.

Рот улыбался легко и нагло.
Ворот кичился бобровым мехом.
Молча ждала Любовь.

13. «Сядешь в кресла, полон лени...»
Сядешь в кресла, полон лени.

Встану рядом на колени,
Без дальнейших повелений.

С сонных кресел свесишь руку.
Подыму ее без звука,
С перстеньком китайским – руку.

Перстенок начищен мелом.
– Счастлив ты? – Мне нету дела!
Так любовь моя велела.

5 декабря 1918

14. «Ваш нежный рот – сплошное целованье...»
Ваш нежный рот – сплошное целованье...

– И это все, и я совсем как нищий.
Кто я теперь? – Единая? – Нет, тыща!
Завоеватель? – Нет, завоеванье!

Любовь ли это – или любованье,
Пера причуда – иль первопричина,
Томленье ли по ангельскому чину –
Иль чуточку притворства – по призванью..

– Души печаль, очей очарованье,
Пера ли росчерк – ах! – не все равно ли,
Как назовут сие уста – доколе
Ваш нежный рот – сплошное целованье!

декабрь 1918

15. «Поцелуйте дочку...»
«Поцелуйте дочку!»

Вот и все. – Как скупое! –
Быть несчастной – глупо.
Значит, ставим точку.

Был у Вас бы малый
Мальчик, сын единый –
я бы Вам сказала:
«Поцелуйте сына!»

16. «Это и много и мало...»
Это и много и мало.

Это и просто и тёмно.

Та, что была вероломной,

За́ вечер – верная стала.

Белой монашкой скромной,

– Парой опущенных глаз. –

Та, что была неумной,

За́ вечер вдруг унялась.

Начало января 1919

17. «Бренные губы и бренные руки...»
Бренные губы и бренные руки

Слепо разрушили вечность мою.

С вечной душою своею в разлуке –

Бренные губы и руки пою.

Рокот божественной вечности – глуше.

Только порою, в предутренний час –

С темного неба – таинственный глас:

– женщина! – вспомни бессмертную душу!

Конец декабря 1918

18. «Не поцеловали – приложились...»
Не поцеловали – приложились.

Не проговорили – продохнули.

Может быть – Вы на земле не жили,

Может быть – висел лишь плащ на стуле.

Может быть – давно под камнем плоским

Успокоился Ваш нежный возраст.

Я себя почувствовала воском:

Маленькой покойницу в розах.

Руку на сердце кладу – не бьется.

Так легко без счастья, без страданья!

– Так прошло – что у людей зовется –

На миру – любовное свиданье.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Начало января 1919

19. «Друзья мои! Родное триединство...»
Друзья мои! Родное триединство!

Роднее чем в родстве!

Друзья мои в советской – якобинской –
Маратовой Москве!

С вас начинаю, пылкий Антокольский,
Любимец хладных Муз,
Запомнивший лишь то, что – панны польской
Я именем зовусь.

И этого – виновен холод братский,
И сеть иных помех! –
И этого не помнящий – Завадский!
Памятнейший из всех!

И, наконец – герой меж лицедеев –
От слова бытиё
Все имена забывший – Алексеев!
Забывший и свое!

И, упражняясь в старческом искусстве
Скрывать себя, как черный бриллиант,
Я слушаю вас с нежностью и грустью,
Как древняя Сивилла – и Жорж Занд.

13 января 1919

20. «В ушах два свиста: шелка и метели...»
В ушах два свиста: шелка и метели!

Бьется душа – и дышит кровь.

Мы получили то, чего хотели:

Вы – мой восторг – до снеговой постели,
Я – Вашу смертную любовь.

27 января 1919

21. «Шампанское вероломно...»
Шампанское вероломно,

А все ж наливай и пей!

Без розовых без цепей
Наспишься в могиле темной!

Ты мне не жених, не муж,
Твоя голова в тумане..
А вечно одну и ту ж –
Пусть любит герой в романе!

22. «Скучают после кутежа...»
Скучают после кутежа.

А я как веселюсь – не чаешь!
Ты – господин, я – госпожа,
А главное – как ты, такая ж!

Не обманись! Ты знаешь сам
По злему холодку в гортани,
Что я была твоим устам –
Лишь пеною с холмов шампани!

Есть золотые кутежи.
И этот мой кутеж оправдан:
Шампанское любовной лжи –
Без патоки любовной правды!

23. «Солнце – одно, а шагает по всем городам...»
Солнце – одно, а шагает по всем городам.

Солнце – мое. Я его никому не отдам.

Ни на час, ни на луч, ни на взгляд. – Никому. – Никогда.
Пусть погибают в бессменной ночи города!

В руки возьму! Чтоб не смело вертеться в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!

В вечную ночь пропадет – погонюсь по следам..
Солнце мое! Я тебя никому не отдам!

Февраль 1919

24. «Да здравствует черный туз...»
Да здравствует черный туз!

Да здравствует сей союз

Тщеславья и вероломства!

На темных мостах знакомства,

Вдоль всех фонарей – любовь!

Я лживую кровь свою

Пою – в вероломных жилах.

За всех вероломных милых

Грядущих своих – я пью!

Да здравствует комедьянт!

Да здравствует красный бант

В моих волосах веселых!

Да здравствуют дети в школах,

Что вырастут – пуще нас!

И, юности на краю,

Под тенью сухих смоковниц –

За всех роковых любовниц

Грядущих твоих – я пью!

Москва, март 1919

25. «Сам Черт изъявил мне милость...»
Сам Черт изъявил мне милость!

Пока я в полночный час

На красные губы льстилась –

Там красная кровь лилась.

Пока легион гигантов

Редел на донском песке,

я с бандой комедиантов

Браталась в чумной Москве.

Хребет вероломства – гибок.

О, сколько их шло на зов

..... моих улыбок

..... моих стихов.

Чтоб Совесть не жгла под шалью –

Сам Черт мне вставал помочь.

Ни утра, ни дня – сплошная

Шальная, чумная ночь.

И только порой, в тумане,

Клонясь, как речной тростник,

Над женщиной плакал – Ангел

О том, что забыла – Лик.

Март 1919

«Я Вас люблю всю жизнь и каждый день...»
Я Вас люблю всю жизнь и каждый день,

Вы надо мною, как большая тень,

Как древний дым полярных деревень.

Я Вас люблю всю жизнь и каждый час.

Но мне не надо Ваших губ и глаз.

Все началось – и кончилось – без Вас.

Я что-то помню: звонкая дуга,

Огромный ворот, чистые снега,

Униженные звездами рога...

И от рогов – в полнебосвода – тень...

И древний дым полярных деревень...

– Я поняла: Вы северный олень.

7 декабря 1918

П. АНТОКОЛЬСКОМУ
Дарю тебе железное кольцо:

Бессонницу – восторг – и безнадежность.

Чтоб не глядел ты девушкам в лицо,

Чтоб позабыл ты даже слово – нежность.

Чтоб голову свою в шальных кудрях

Как пенный кубок возносил в пространство,

Чтоб обратило в уголь – и в пепел – и в прах

Тебя – сие железное убранство.

Когда ж к твоим пророческим кудрям
Сама Любовь приникнет красным углем,
Тогда молчи и прижимай к губам
Железное кольцо на пальце смуглом.

Вот талисман тебе от красных губ,
Вот первое звено в твоей кольчуге, –
Чтоб в буре дней стоял один – как дуб,
Один – как Бог в своем железном круге!

Март 1919

«О нет, не узнает никто из вас...»
О нет, не узнает никто из вас
– Не сможет и не захочет! –
Как страстная совесть в бессонный час
Мне жизнь молодую точит!

Как душит подушкой, как бьет в набат,
Как шепчет все то же слово..
– В какой обратился треклятый ад
Мой глупый грешок грошовый!

Март 1919

ПАМЯТИ А. А. СТАХОВИЧА
A Dieu – mon âme,
Mon corps – au Roy,
Mon coeur – aux Dames,
L'honneur – pour moi. [16]

1. «Не от запертых на семь замков пекарен...»
Не от запертых на семь замков пекарен
И не от заледенелых печек –
Барским шагом – распрямляя плечи –
Ты сошел в могилу, русский барин!

Старый мир пылал. Судьба свершалась.
– Дворянин, дорогу – дровосеку! [17]
Чернь цвела... А вблизи тебя дышалось
Воздухом Осьмнадцатого Века.

И пока, с дворцов срывая крыши,
Чернь рвалась к добыче вожделенной –
Вы bon ton, maintien, tenue[18] – мальчишек
Обучали – под разгром вселенной!

Вы не вышли к черни с хлебом-солью,
И скрестились – от дворянской скуки! –
В черном царстве трудовых мозолей –
Ваши восхитительные руки.[19]

Москва, март 1919

2. «Высокой горести моей...»
Высокой горести моей –

Смиранные следы:

На синей варежке моей –
Две восковых слезы.

В продрогшей церковке – мороз,
Пар от дыханья – густ.
И с синим ладаном слилось
Дыханье наших уст.

Отметили ли Вы, дружок,
– Смирнее всего –
Среди других дымков – дымок
Дыханья моего?

Безукоризненностью рук
Во всем родном краю
Прославленный – простите, друг,
Что в варежках стою!

Март 1919

3. «Пустыней Девичьего Поля...»
Пустыней Девичьего Поля

Бреду за ныряющим гробом.
Сугробы – ухабы – сугробы.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Москва. – Девятнадцатый год. –

В гробу – несравненные руки,
Скрестившиеся самовольно,
И сердце – высокою жизнью
Купившее право – не жить.

Какая печальная свита!
Распутицу – холод – и голод
Последним почетным эскортом
Тебе отрядила Москва.

Кто помер? – С дороги, товарищ!
Не вашего разума дело:
– Исконный – высокого рода –
Высокой души – дворянин.

Пустыней Девичьего Поля

.....
Молюсь за блаженную встречу
В тепле Елисейских Полей!

Март 1919

4. «Елисейские Поля: ты да я...»
Елисейские Поля: ты да я.
И под нами – огневая земля.
..... и лужи морские
– И родная, роковая Россия,
Где покоится наш нищенский прах
На кладбищенских Девичьих Полях.

Вот и свиделись! – А воздух каков! –
Есть же страны без мешков и штыков!
В мир, где «Равенство!» вопят даже дети,
Опоздавшие на дважды столетье, –
Там маячили – дворянская спесь! –
Мы такими же тенями, как здесь.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Что Россия нам? – черны купола!

Так, заложниками бросив тела,
Ненасытному червю – черни черной,
Нежно встретились: Поэт и Придворный. –
Два посмешища в державе снегов,
Боги – в сонме королей и Богов!

Март 1919

ПОСЫЛКА К МАЛЕНЬКОЙ СИГАРЕРЕ
Не ждет, не ждет мой кучер нанятый,
Торопит ветер-господин.
Я принесла тебе для памяти
Еще подарочек один.

1919

СТИХИ К СОНЕЧКЕ
1. «Кто покинут – пусть поет...»
Кто покинут – пусть поет!

Сердце – пой!
Нынче мой – румяный рот,
Завтра – твой.

Ах, у розы-красоты
Все – друзья!
Много нас – таких, как ты
И как я.

Друг у друга вырывать
Розу-цвет –
Можно розу разорвать:
Хуже нет!

Чем за розовый за рот
Воевать –
Лучше мальчика в черед
Целовать!

Сто подружек у дружка:
Все мы тут.

Нá, люби его – пока
Не возьмут.

21 апреля 1919

2. «Пел в лесочке птенчик...»
Пел в лесочке птенчик,

Под окном – шарманщик:
– Обманщик, изменщик,
Изменщик, обманщик!

Подпевали хором
Черти из бочонка:
– Всю тебя, девчонка,
За копейку продал!

А коровки в травке:
– Завела аму – уры!
В подворотне – шавки:
– Урры, урры, дура!

Вздумала топиться –
Бабка с бородою:
– Ничего, девица!
Унесет водою!

Расчеши волосья,
Ясны очи вымой.
Один милый бросил,
А другой – подымет!

3. «В мое окошко дождь стучится...»
В мое окошко дождь стучится.

Скрипит рабочий над станком.
Была я уличной певицей,
А ты был княжеским сынком.

я пела про судьбу-злодейку,
И с раззолоченных перил
Ты мне не рупь и не копейку, –

Ты мне улыбку подарил.

Но старый князь узнал затею:

Сорвал он с сына ордена

И повелел слуге-лакею

Прогнать девчонку со двора.

И напилась же я в ту ночь!

Зато в блаженном мире – том –

Была я – княжескою дочкой,

А ты был уличным певцом!

24 апреля 1919

4. «Заря малиновые полосы...»

Заря малиновые полосы

Разбрасывает на снегу,

А я пою нежнейшим голосом

Любезной девушки судьбу.

О том, как редкостным растением

Цвела в светлейшей из теплиц:

В высокосветском заведении

Для благороднейших девиц.

Как белым личиком в передничек

Нырляла от словца «жених»;

И как перед самим Наследником

На выпуске читала стих,

И как чужих сирот-проказников

Водила в храм и на бульвар,

И как потом домой на праздники

Приехал первенец-гусар.

Гусар! – Еще не кончив с куклами,

– Ах! – в люльке мы гусара ждем!

О, дом вверх дном! Букварь – вниз буквами!

Давайте дух переведем!

Посмотрим, как невинно-розовый
Цветок сажает на фаянс.
Проверим три старинных козыря:
Пасьянс – романс – и контраданс.

Во всей девчонке – ни кровиночки..
Вся, как косыночка, бела.
Махнула белой косыночкой,
Султаном помахал с седла.

И как потом к старухе чопорной
Свалилась под ноги, как сноп,
И как сам граф, ногами топя,
Ее с крыльца спустил в сугроб..

И как потом со свертком капельным
– Отцу ненадобным дитём! –
В царевом доме Воспитательном
Прощался.. И как – потом –

Предавши розовое личико
Пустоголовым мотылькам,
Служило бедное девичество
Его Величества полкам..

И как художникам-безбожникам
В долг одолжала красоту,
И как потом с воробь-острожкой
Толк заводила на мосту..

И как рыбак на дальнем взморьи
Нашел двух тувелек следы..
Вот вам старинная история,
А мне за песню – две слезы.

Апрель 1919

5. «От лихой любовной думки...»

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
От лихой любовной думки

Как уеду по чугунке –

Распыхтится паровоз,

И под гул его угрюмый

Буду думать, буду думать,

Что сам Черт меня унес.

От твоих улыбок сладких,

И от рук твоих в перчатках,

И от лика твоего –

И от слов твоих шумящих,

И от ног твоих, спешащих

Мимо дома моего.

Ты прощай, злодей–прельститель,

Вы, холмы мои, простите

Над..... Москвой, –

Что Москва! Черт с ней, с Москвою!

Черт с Москвою, черт со мною, –

И сам Свет–Христос с собой!

Лейтесь, лейтесь, слезы, лейтесь,

Вейтесь, вейтесь, рельсы, вейтесь,

Ты гуди, чугун, гуди...

Может, горькую судьбину

Позабуду на чужбине

На другой какой груди.

6. «Ты расскажи нам про весну...»

– Ты расскажи нам про весну! –

Старухе внуки говорят.

Но, головою покачав,

Старуха отвечала так:

– Грешна весна,

Страшна весна.

– Так Расскажи нам про любовь! –

Ей внук поет, что краше всех.

Но, очи устремив в огонь,

Старуха отвечала: – Ох!

Грешна любовь,

Страшна любовь!

И долго-долго на заре

Невинность пела во дворе:

– Грешна любовь,

Страшна любовь...

1919

7. «Маленькая сигарера...»
Маленькая сигарера!

Смех и танец всей Севильи!

Что тебе в том длинном, длинном

Чужестранце длинноногом?

Оттого, что ноги длинны, –

Не суди: приходит первым!

И у цапли ноги – длинны:

Всё на том же на болоте!

Невидаль, что белорук он!

И у кошки ручки – белы.

Оттого, что белы ручки, –

Не суди: ласкает лучше!

Невидаль – что белокур он!

И у пены – кудри белы,

И у дыма – кудри белы,

И у куры – перья белы!

Берегись того, кто утром

Подымается без песен,

Берегись того, кто трезвым

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Как капель – ко сну отходит,

Кто от солнца и от женщин
Прячется в собор и в погреб,
Как ножа бежит – загару,
Как чумы бежит – улыбки.

Стыд и скромность, сигарера,
Украшенье для девицы,
Украшенье для девицы,
Посрамленье для мужчины.

Кто приятелям не должен –
Тот навряд ли щедр к подругам.
Кто к жидам не знал дороги –
Сам жидом под старость станет.

Посему, малютка-сердце,
Маленькая сигарера,
Ты иного приложенья
Поищи для красных губок.

Губки красные – что розы:
Нынче пышут, завтра вянут,
Жалко их – на привиденье,
И живой души – на камень.

Москва – Ванв, 1919–1937

8. «Твои руки черны от загару...»
Твои руки черны от загару,
Твои ногти светлее стекла...
– Сигарера! Скрути мне сигару,
Чтобы дымом любовь изошла.

Скажут люди, идущие мимо:
– Что с глазами-то? Свет, что ль, не мил?
А я тихо отвечу: – От дыму.
Я девчонку свою продымил!

Весна 1919

9. «Не сердись, мой Ангел Божий...»
Не сердись, мой Ангел Божий,

Если правда выйдет ложью.

Встречный ветер не допрашивают,

Правды с соловья не спрашивают.

1919

10. «Ландыш, ландыш белоснежный...»
Ландыш, ландыш белоснежный,

Розан аленький!

Каждый говорил ей нежно:

«Моя маленькая!»

– Ликом – чистая иконка,

Пеньем – пеночка... –

И качал ее тихонько

На коленочках.

Ходит вправо, ходит влево

Божий маятник.

И кончалось все припевом:

«Моя маленькая!»

Божьи думы нерушимы,

Путь – указанный.

Маленьким не быть большими,

Вольным – связанными.

И предстал – в кого не целят

Девки – пальчиком:

Божий ангел встал с постели –

Вслед за мальчиком.

– Будешь цвести под райским деревом,

Розан аленький! –

Так и кончилась с припевом:

«Моя маленькая!»

16 июня 1919

<11>. «На коленях у всех посидела...»
На коленях у всех посидела
И у всех на груди полежала.
Все до страсти она обожала
И такими глазами глядела,
Что сам Бог в небесах.

16 июня 1919

АЛЕ
В шитой серебром рубашечке,
– Грудь как звездами унизана! –
Голова – цветочной чашечкой
Из серебряного выреза.

Очи – два пустынных озера,
Два Господних откровения –
На лице, туманно-розовом
От Войны и Вдохновения.

Ангел – ничего – всё! – знающий,
Плоть – былинкою довольная,
Ты отца напоминаешь мне –
Тоже Ангела и Воина.

Может – все мое достоинство –
За руку с тобою странствовать.
– Помолись о нашем Воинстве
Завтра утром, на Казанскую!

18 июля 1919

«Ты думаешь: очередной обман...»
Ты думаешь: очередной обман!
Одна к одной, как солдатъе в казармах!
Что из того, что ни следа румян
На розовых устах высокопарных, –
Все та же смерть из розовых семян!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ты думаешь: очередной обман!

И думаете Вы еще: зачем
В мое окно стучаться светлым перстнем?
Ты любишь самозванцев – где мой Кремль?
Давным-давно любовный ход мой крестный
Окончен. Дом мой темен, глух и нем.
И семь печатей спят на сердце сем.

И думаешь: сиротскую суму
Ты для того надела в год сиротский,
Чтоб разносить любовную чуму
По всем домам, чтоб утверждать господство
На каждом..... Черт в моем дому!
– И отвечаю я: – Быть по сему!

Июль 1919

БАБУШКА

1. «Когда я буду бабушкой...»
Когда я буду бабушкой –

Годов через десяточек –
Причудницей, забавницей, –
Вихрь с головы до пяточек!

И внук – кудряш – Егорушка
Взревет: «Давай ружье!»
Я брошу лист и перышко –
Сокровище мое!

Мать всплачет: «Год три месяца,
А уж, гляди, как зол!»
А я скажу: «Пусть бесится!
Знать, в бабушку пошел!»

Егор, моя утробушка!
Егор, ребро от ребрышка!
Егорушка, Егорушка,
Егорий – свет – храбрец!

Когда я буду бабушкой –
Седой каргою с трубкою! –
И внучка, в полночь крадучись,
Шепнет, взметнувши юбками:

«Кого, скажите, бабушка,
Мне взять из семерых?» –
Я опрокину лавочку,
Я закружусь, как вихрь.

Мать: «Ни стыда, ни совести!
И в гроб пойдет пляша!»
А я-то: «На здоровьице!
Знать, в бабушку пошла!»

Кто хóдок в пляске рыночной –
Тот лих и на перинушке, –
Маринушка, Маринушка,
Марина – синь-моря!

«А целовалась, бабушка,
Голубушка, со сколькими?»
– «Я дань платила песнями,
Я дань взымала кольцами.

Ни ночки даром проспанной:
Все в райском во саду!»
– «А как же, бабка, Господу
Предстанешь на суду?»

Свистят скворцы в скворешнице,
Весна-то – глянь! – бела...
Скажу: «– Родимый, – грешница!
Счастливая была!

Вы ж, ребрышко от ребрышка,
Маринушка с Егорушкой,

Возьмите в узелок».

23 июля 1919

2. «А как бабушке...»
А как бабушке

Помирать, помирать, –
Стали голуби
Ворковать, ворковать.

«Что ты, старая,
Так лихуешься?»
А она в ответ:
«Что воркуете?»

– «А воркуем мы
Про твою весну!»

– «А лихуюсь я,
Что идти ко сну,

Что навек засну
Сном закованным –
Я, бессонная,
Я, фартовая!

Что луга мои яйцкие не скошены,
Жемчуга мои бурмицкие не сношены,
Что леса мои волынские не срублены,
На Руси не все мальчишки перелюблены!»

А как бабушке
Отходить, отходить, –
Стали голуби
В окно крыльями бить.

«Что уж страшен так,
Бабка, голос твой?»
– «Не хочу отдать

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Девкам – мблодцев».

– «Нагулялась ты, –
Пора знать и стыд!»

– «Этой малостью
Разве будешь сыт?

Что над тем костром
Я – холодная,
Что за тем столом
Я – голодная».

А как бабушку
Понесли, понесли, –
Все-то голуби
Полегли, полегли:

Книзу – крылышком,
Кверху – лапочкой...
– Помолитесь, внучки юные, за бабушку!

25 июля 1919

«Ты меня никогда не прогонишь...»
Ты меня никогда не прогонишь:

Не отталкивают весну!
Ты меня и перстом не тронешь:
Слишком нежно пою ко сну!

Ты меня никогда не ославишь:
Мое имя – вода для уст!
Ты меня никогда не оставишь:
Дверь открыта, и дом твой – пуст!

Июль 1919

«А во лбу моем – знай...»
А во лбу моем – знай! –

Звезды горят.
В правой рученьке – рай,
В левой рученьке – ад.

Есть и шелковый пояс –
От всех мытарств.
Головою покоюсь
На Книге Царств.

Много ль нас таких
На святой Руси –
У ветров спроси,
У волков спроси.

Так из края в край,
Так из града в град.
В правой рученьке – рай,
В левой рученьке – ад.

Рай и ад намешала тебе в питье,
День единый теперь – житие твое.

Проводи, жених,
До седьмой версты!
Много нас таких
На святой Руси.

Июль 1919

ТЕБЕ – ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ
К тебе, имеющему быть рожденным
Столетие спустя, как отдышу, –
Из самых недр, – как на́ смерть осужденный,
Своей рукой – пишу:

– Друг! Не ищи меня! Другая мода!
Меня не помнят даже старики.
– Ртом не достать! – Через летейски воды
Протягиваю две руки.

Как два костра, глаза твои я вижу,
Пылающие мне в могилу – в ад, –

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ту видящие, что рукой не движет,

Умершую сто лет назад.

Со мной в руке – почти что горстка пыли –
Мои стихи! – я вижу: на ветру
Ты ищешь дом, где родилась я – или
В котором я умру.

На встречных женщин – тех, живых, счастливых, –
Горжусь, как смотришь, и ловлю слова:
– Сборище самозванок! Все мертвы вы!
Она одна жива!

я ей служил служеньем добровольца!
Все тайны знал, весь склад ее перстней!
Грабительницы мертвых! Эти кольца
Украдены у ней!

О, сто моих колец! Мне тянет жилы,
Раскаиваюсь в первый раз,
Что столько я их вкривь и вкось дарила, –
Тебя не дождалась!

И грустно мне еще, что в этот вечер,
Сегодняшний – так долго шла я вслед
Садящемуся солнцу, – и навстречу
Тебе – через сто лет.

Бьюсь об заклад, что бросишь ты проклятье
Моим друзьям во мглу могил:
– Все восхваляли! Розового платья
Никто не подарил!

кто бескорыстней был?! – Нет, я корыстна!
Раз не убьешь, – корысти нет скрывать,
Что я у всех выпрашивала письма,
Чтоб ночью целовать.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сказать? – Скажу! Небытие – условность.

Ты мне сейчас – страстнейший из гостей,
И ты окажешь перлу всех любовниц
Во имя той – костей.

Август 1919

«А плакала я уже бабьей...»
А плакала я уже бабьей

Слезой – солонейшей солью.

Как та – на лужочке – с граблей –
Как эта – с серпчком – в поле.

От голосу – слабже воска,
Как сахар в чаю моченный.
Стрелочкам своим поноску
Носила, как пес ученый.

– «Ешь зернышко, я ж единой
Скорлупкой сыта с орешка!»
Никто не видал змеиной
В углах – по краям – усмешки.

Не знали мои герои,
Что сей голубок под схимой –
Как Царь – за святой горою
Гордыни несосвятимой.

Август 1919

«Два дерева хотят друг к другу...»
Два дерева хотят друг к другу.

Два дерева. Напротив дом мой.
Деревья старые. Дом старый.
Я молода, а то б, пожалуй,
Чужих деревьев не жалела.

То, что поменьше, тянет руки,
Как женщина, из жил последних
Вытянулось, – смотреть жестоко,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как тянется – к тому, другому,

Что старше, стойче и – кто знает? –
Еще несчастнее, быть может.

Два дерева: в пылу заката
И под дождем – еще под снегом –
Всегда, всегда: одно к другому,
Таков закон: одно к другому,
Закон один: одно к другому.

Август 1919

«Консуэла! – Утешенье...»
Консуэла! – Утешенье!

Люди добрые, не сглазьте!
Наградил вторую тенью
Бог меня – и первым счастьем.

Видно с ангелом спала я,
Бога приняла в объятья.
Каждый час благословляю
Полночь твоего зачатья.

И ведет меня – до сроку –
К Богу – по дороге белой –
Первенец мой синеокий:
Утешенье! – Консуэла!

Ну, а раньше – стать другая!
Я была счастливой тварью!
Все мой дом оберегали, –
Каждый под подушкой шарил!

Награждали – как случилось:
Кто – улыбкой, кто – полушкой..
А случилось – оставалось
Даже сердце под подушкой!..

Времячко мое золотое!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сонм чудесных прегрешений!

Всех вас вымела метлою
Консуэла – Утешенье.

А чердак мой чисто метен,
Сор подобран – на жаровню.
Смерть хоть сим же часом встретим:
Ни сориночки любовной!

– Вор! – Напрасно ждешь! – Не выйду!
Буду спать, как повелела
Мне – от всей моей Обиды
Утешенье – Консуэла!

Москва, октябрь 1919

АЛЕ

1. «Ни кровинки в тебе здоровой...»
Ни кровинки в тебе здоровой. –

Ты похожа на циркового.

Вон над бездной встает, ликуя,
Рассылающий поцелуи.

Напряженной улыбкой хлещет
Эту сволочь, что рукоплещет.

Ни кровиночки в тонком теле, –
Все новинок мы хотели.

Что, голубчик, дрожат поджилки?
Все как надо: канат – носилки.

Разлетается в ладан сизый
Материнская антреприза.

Москва, октябрь 1919

2. «Упадешь – перстом не двину...»
Упадешь – перстом не двину.

Я люблю тебя как сына.

Всей мечтой своей довлея,

Не щадя и не жалея.

Я учу: губам полезно

Раскаленное железо,

Бархатных ковров полезней –

Гвозди – молодым ступням.

А еще в ночи беззвездной

Под ногой – полезны – бездны!

Первенец мой крутолобий!

Вместо всей моей учебы –

Материнская утроба

Лучше – для тебя была б.

Октябрь 1919

«Бог! – я живу! – Бог! – Значит ты не умер...»
Бог! – я живу! – Бог! – Значит ты не умер!

Бог, мы союзники с тобой!

Но ты старик угрюмый,

А я – герольд с трубой.

Бог! Можешь спать в своей ночной лазури!

Доколе я среди живых –

Твой дом стоит! – Я лбом встречаю бури,

Я барабанщик войск твоих.

Я твой горнист. – Сигнал вечерний

И зорю раннюю трублю.

Бог! – Я любовью не дочерней, –

Сыновне я тебя люблю.

Смотри: кустом неопалимым

Горит походный мой шатер.

Не поменяюсь с серафимом:

Я твой Господен волонтер.

Дай срок: взыграет Царь-Девница

По всем по селам! – А дотоль –
Пусть для других – чердачная певица
И старый карточный король!

Октябрь 1919

«А человек идет за плугом...»
А человек идет за плугом

И строит гнезда.

Одна пред Господом заслуга:

Глядеть на звезды.

И вот за то тебе спасибо,
Что, цепеня,
Двух звезд моих не видишь – ибо
Нашел – вечнее.

Обман сменяется обманом,

Рахилью – Лия.

Все женщины ведут в туманы:

Я – как другие.

Октябрь 1919

«Маска – музыка... А третье...»
Маска – музыка... А третье

Что любимое? – Не скажет.

И я тоже не скажу.

Только знаю, только знаю

– Шалой головой ручаюсь! –

Что не мать – и не жена.

Только знаю, только знаю,

Что как музыка и маска,

Как Москва – маяк – магнит –

Как метель – и как мазурка

Начинается на М.

– Море или мандарины?

Москва, октябрь 1919

«Чердачный дворец мой, дворцовый чердак...»
Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!

Взойдите. Гора рукописных бумаг...

Так. – Руку! – Держите направо, –

Здесь лужа от крыши дырявой.

Теперь полюбуйтесь, воссев на сундук,

Какую мне Фландрию вывел паук.

Не слушайте толков досужих,

Что женщина – может без кружев!

Ну-с, перечень наших чердачных чудес:

Здесь нас посещают и ангел, и бес,

И тот, кто обоих превыше.

Недолго ведь с неба – на крышу!

Вам дети мои – два чердачных царька,

С веселою музой моею, – пока

Вам призрачный ужин согрею, –

Покажут мою эмпирею.

– А что с Вами будет, как выйдут дрова?

– Дрова? Но на то у поэта – слова

Всегда – огневые – в запасе!

Нам нынешний год не опасен...

От века поэтовы корки черствы,

И дела нам нету до красной Москвы!

Глядите: от края – до края –

Вот наша Москва – голубая!

А если уж слишком поэта доймают

Московский, чумной, девятнадцатый год, –

Что ж, – мы проживем и без хлеба!

Недолго ведь с крыши – на небо.

«Поскорее бы с тобою разделаться...»
Поскорее бы с тобою разделаться,

Юность – молодость, – эка невидаль!

Все: отселева – и доселева

Зачеркнуть бы крест на крест – наотмашь!

И почить бы в глубинах кресельных,

Меж небесных планид бесчисленных,

И учить бы науке висельной

Юных крестниц своих и крестников.

– Как пожар зажечь, – как пирог испечь,

Чтобы в рот – да в гроб, как складнее речь

На суду держать, как отца и мать

..... продать.

Подь-ка, подь сюда, мой воробушек!

В том дому жемчуга с горошину.

Будет жемчуг.....

А воробушек – на веревочке!

На пути твоём – целых семь планид,

Чтоб высоко встать – надо кровь пролить.

Лей да лей, не жалея учености,

Весельчак ты мой, висельченок!

– Ну, а ты зачем? – Душно с мужем спать!

– Уложи его, чтоб ему не встать,

Да с ветрами вступив в супружество –

Берегись! – голова закружится!

И плетет – плетет паук

– «От румян-белил встал горбом – сундук,

Вся, как купол, красой покроешься, –

После виселицы – отмоешься!»

Так – из темных обвалов кресельных,

.....

Юных висельников и висельниц.

Внук с пирушки шел, видит – свет зажжен,

..... в полу круг прожжен.

– Где же бабка? – В краю безвестном!

Прямо в ад провалилась с креслом!

Октябрь 1919

«Уходящее лето, раздвинув лазоревый полог...»
Уходящее лето, раздвинув лазоревый полог

(Которого нету – ибо сплю на рогоже – девятнадцатый год)

Уходящее лето – последнюю розу

– От великой любви – прямо на сердце бросило мне.

На кого же похоже твое уходящее лето?

На поэта?

– Ну нет!

На г..... д..... в..... !

Октябрь 1919

«А была я когда-то цветами увенчана...»
А была я когда-то цветами увенчана

И слагали мне стансы – поэты.

Девятнадцатый год, ты забыл, что я женщина...

Я сама позабыла про это!

Скажут имя мое – и тотчас же, как в зеркале

.....

И повис надо мной, как над брошенной церковью,

Тяжкий вздох сожалений бесплодных.

Так, в..... Москве погребенная заживо,

Наблюдаю с усмешкою тонкой,

Как меня – даже ты, что три года охаживал! –

Обходить научился сторонкой.

Октябрь 1919

«Сам посуди: так топором рубила...»
Сам посуди: так топором рубила,

Что невдомек: дрова трещат – аль ребра?

А главное: тебе не согрубила,

А главное: <сама> осталась доброй.

Работала за мужика, за бабу,

А больше уж нельзя – лопнут виски!

– Нет, руку приложить тебе пора бы:

У человека только две руки!

Октябрь 1919

С. Э
Хочешь знать, как дни проходят,

Дни мои в стране обид?

Две руки пилою водят,

Сердце – имя говорит.

Эх! Прошел бы ты по дому –

Знал бы! Так в ночи пою,

Точно по чему другому –

Не по дереву – пилою.

И чудят, чудят пилою

Руки – вольные досель.

И метет, метет метлою

Богородица-Метель.

Ноябрь 1919

«Дорожкой простонародною...»
Дорожкой простонародною,

Смирною, богоугодною,

Идем – свободные, немодные,

Душой и телом – благородные.

Сбылися древние пророчества:

Где вы – величества? Высочества?

Мать с дочерью идем – две странницы.

Чернь черная навстречу чванится.

Быть может – вздох от нас останется,

А может – Бог на нас оглянется...

Пусть будет – как Ему захочется:

Мы не Величества, Высочества.

Так, скромные, богоугодные,

Душой и телом – благородные,

Дорожкой простонародною –

Так, доченька, к себе на родину:

В страну Мечты и Одиночества –

Где мы – Величества, Высочества.

<1919>

БАЛЬМОНТУ

Пышно и бесстрастно вянут

Розы нашего румянца.

Лишь камзол теснее стянут:

Голодаем как испанцы.

Ничего не можем даром

Взять – скорее гору сдвинем!

И ко всем гордыням старым –

Голод: новая гордыня.

В вывернутой наизнанку

Мантии Врагов Народа

Утверждаем всей осанкой:

Луковица – и свобода.

Жизни ломовое дышло

Спеси не перешибило

Скакуну. Как бы не вышло:

– Луковица – и могила.

Будет наш ответ у входа

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В Рай, под деревцем миндальным:

– Царь! На пиршестве народа
Голодали – как гидальго!

Ноябрь 1919

«Высоко мое оконце...»
Высоко́ мое оконце!
Не достанешь перстеньком!
На стене чердачной солнце
От окна легло крестом.

Тонкий крест оконной рамы.
Мир. – На вечны времена.
И мерещится мне: в самом
Небе я погребена!

Ноябрь 1919

АЛЕ
1. «Когда-нибудь, прелестное создание...»
Когда-нибудь, прелестное создание,
я стану для тебя воспоминаньем.

Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным – так далеко-далёко.

Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,

И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню – на руке моей рабочей –

Серебряных перстней, – чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...

Как в страшный год, возвышены Бедю,
Ты – маленькой была, я – молодою.

2. «О бродяга, родства не помнящий...»
О бродяга, родства не помнящий –

Юность! – Помню: метель мела,
Сердце пело. – Из нежной комнаты

.....

И твой голос в метельной мгле:
– «Остригите мне, мама, волосы!
Они тянут меня к земле!»

Ноябрь 1919

3. «О бродяга, родства не помнящий...»
Маленький домашний дух,

Мой домашний гений!
Вот она, разлука двух
Сродных вдохновений!

Жалко мне, когда в печи
Жар, – а ты не видишь!
В дверь – звезда в моей ночи! –
Не взойдешь, не выйдешь!

Платьица твои висят,
Точно плод запретный.
На окне чердачном – сад
Расцветает – тщетно.

Голуби в окно стучат, –
Скучно с голубями!
Мне ветра привет кричат, –
Бог с ними, с ветрами!

Не сказать ветрам седым,
Стаям голубиным –
Чудодейственным твоим
Голосом: – Марина!

Ноябрь 1919

«В темных вагонах...»
В темных вагонах

На шатких, страшных
Подножках, смертью перегруженных,

Между рабов вчерашних
я все думаю о тебе, мой сын, –
Принц с головой обритой!

Были волосы – каждый волос –
В царство ценою.....

На волосок от любви народы –
В гневе – одним волоском дитяти
Можно..... сковать!
– И на уютской чумной кровати
Принц с головой обритой.

Принц мой уютский!
Можешь ли ты улыбнуться?
Слишком уж много снегу
В этом году!

Много снегу и мало хлеба.

Шатки подножки.

Кунцево, ноябрь 1919
«О души бессмертный дар...»
О души бессмертный дар!
Слезный след жемчужный!
Бедный, бедный мой товар,
Никому не нужный!

Сердце нынче не в цене, –
Все другим богаты!
Приговор мой на стене:
– Чересчур легка ты!..

19 декабря 1919
«Я не хочу ни есть, ни пить, ни жить...»
Я не хочу ни есть, ни пить, ни жить.
А так: руки скрестить – тихонько плыть
Глазами по пустому небосклону.

Ни за свободу я – ни против оной
– О, Господи! – не шевельну перстом.
Я не дышать хочу – руки крестом!

декабрь 1919

«Поцеловала в голову...»
Поцеловала в голову,
Не догадалась – в губы!
А все ж – по старой памяти –
Ты хороша, любовь!

Немножко бы веселого
Вина, – да скинуть шубу, –
О как – по старой памяти –
Ты б загудела, кровь!

Да нет, да нет, – в таком году
Сама любовь – не женщина!
Сама Венера, взяв топор,
Громит в щепы подвал.

В чумном да ледяном аду,
С зимою перевенчанный,
Амур свои два крылышка
На валенки сменял.

Прелестное создание!
Сплети-ка мне веревочку
Да сядь – по старой памяти –
К девчонке на кровать.

– До дальнего свидания!
– Доколь опять научимся
Получше, чем в головочку
Мальчишек целовать.

декабрь 1919

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1
На скольких руках – мои кольца,
На скольких устах – мои песни,
На скольких очах – мои слезы..
По всем площадям – моя юность!

2
Бабушке – и злая внучка мила!
Горе я свое за ручку взяла:
«Сто ночей подряд не спать – невтерпеж!
Прогуляйся, – может, лучше уснешь!»

3
Так, выбившись из страстной колеи,
Настанет день – скажу: «не до любви!»
Но где же, на календаре веков,
Ты, день, когда скажу: «не до стихов!»

4
Словно теплая слеза –
Капля капнула в глаза.
Там, в небесной вышине,
Кто-то плачет обо мне.

5
Плутая по своим же песням,
Случайно попадаю – в души.
Предупреждаю – не жилища!
Еще не выстроен мой дом.

6
«Завтра будет: после-завтра» –
Так любовь считает в первый
День, а в день последний: «хоть бы
Нынче было век назад!»

7
Птичка все же рвется в рошу,
Как зерном ни угощаем,
Я взяла тебя из грязи, –
В грязь родную возвращаю.

8
Ты зовешь меня блудницей, –
Прав, – но малость упустил:

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Надо мне, чтоб гость был статен,

Во-вторых – чтоб не платил.

9 ПЯТИСТИШИЕ
Решено – играем оба,

И притом: играем разно:

Ты – по чести, я – плутуя.

Но, при всей игре нечистой,

На смерть заиграюсь – я.

10
Как пойманную птицу – сердце

Несу к тебе, с одной тревогой:

Как бы не отняли мальчишки,

Как бы не выбилась – сама!

11
И если где прольются слезы, –

Всех помирю, войдя!

Я – иволга, мой голос первый

В лесу, после дождя.

12
Всё в ваших домах

Под замком, кроме сердца.

Лишь то мое в доме,

Что плохо лежит.

13
Я не мятежница – и чту устав:

Через меня шагнувший ввысь – мне друг.

Однако, памятуй, что, в руки взяв

Себя, ты выпустил – меня из рук.

14
У – в мир приходящих – ручонки зажаты:

Как будто на приступ, как будто в атаку!

У – в землю идущих – ладони раскрыты:

Все наши полки разбиты!

15
Не стыдись, страна Россия!

Ангелы – всегда босые...

Сапоги сам черт унес.

Нынче страшен – кто не бос!

<16>

Так, в землю проводив меня глазами,
Вот что напишите мне на кресте, – весь сказ!
– «Вставала с песнями, ложилась со слезами,
А умирала – так смеясь!»

<17>

Плутая по своим же песням,
Случайно попадаю в души.
Но я опасная приبلуда:
С собою уношу – весь дом.

<18>

Ты принес мне горсть рубинов, –
Мне дороже розы уст,
Продаюсь я за миллионы,
За рубли не продаюсь.

<19>

Ты зовешь меня блудницей, –
Прав, – но все ж не забывать:
Лучше к печке приложиться,
Чем тебя поцеловать.

<20>

Ты зовешь меня блудницей:
– Слушай, выученик школ!
Надо мне, чтоб гость был вежлив,
Во-вторых – чтоб ты ушел.

<21>

Твой дом обокраден,
Не я виновата.
Лишь то – мое – в доме,
Что плохо лежит.

<22>

Шаги за окном стучат.
Не знаю, который час.
Упаси тебя Божья Мать
Шаги по ночам считать!

<23>

Шаг у моего порога.
Снова ложная тревога.

Но не ложью будет то что
Новый скоро будет шаг.

<24>

В книге – читай – гостиничной:

– Не обокравши – выбыл.

Жулик – по жизни – нынешней

Гость – и на том спасибо.

1919–1920

«Между воскресеньем и субботой...»
Между воскресеньем и субботой

Я повисла, птица вербная.

На одно крыло – серебряная,

На другое – золотая.

Меж Забавой и Заботой

Пополам расколота, –

Серебро мое – суббота!

Воскресенье – золото!

Коли грусть пошла по жилушкам,

Не по нраву – корочка, –

Знать, из правого я крылушка

Обронила перышко.

А коль кровь опять проснулася,

Подступила к щеченькам, –

Значит, к миру обернулася

Я бочком золотеньким.

Наслаждайтесь! – Скоро-скоро

Канет в страны дальние –

Ваша птица разноперая –

Вербная – сусальная.

29 декабря 1919

«В синем небе – розан пламенный...»
В синем небе – розан пламенный:

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сердце вышито на знамени.

Впереди – без роду-племени
Знаменосец молодой.

В синем поле – цвет садовый:
Вот и дом ему, – другого
Нет у знаменосца дома.
Волоса его как лен.

Знаменосец, знаменосец!
Ты зачем врагу выносишь
В синем поле – красный цвет?

А как грудь ему проткнули –
Тут же в знамя завернули.
Сердце на-сердце пришлось.

Вот и дом ему. – Другого
Нет у знаменосца дома.

29 декабря 1919

«Простите Любви – она нищая...»
Простите Любви – она нищая!

У ней башмаки нечищены, –
И вовсе без башмаков!

Стояла вчерась на паперти,
Молилася Божьей Матери, –
Ей в дар башмачок сняла.

Другой – на углу, у булочной,
Сняла ребятишкам уличным:
Где милый – узнать – прошел.

Босая теперь – как ангелы!
Не знает, что ей сафьянные
В раю башмачки стоят.

30 декабря 1919, Кунцево – Госпиталь

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Звезда над люлькой – и звезда над гробом...»
Звезда над люлькой – и звезда над гробом!

А посредине – голубым сугробом –
Большая жизнь. – Хоть я тебе и мать,
Мне больше нечего тебе сказать,
Звезда моя!..

4 января 1920, Кунцево – Госпиталь

«Дитя разгула и разлуки...»
Дитя разгула и разлуки,
Ко всем протягиваю руки.

Тяну, ресницами плеча,
Всех юношей за край плаща.

Но голос: – Мариула, в путь!
И всех отталкиваю в грудь.

январь 1920

«Править тройкой и гитарой...»
Править тройкой и гитарой

Это значит: каждой бабой
Править, это значит: старой
Брагой по башкам кружить!
Раскрасавчик! Полукровка!
Кем крещен? В какой купели?
Все цыганские метели
Оттопырили поддевку
Вашу, бравый гитарист!
Эх, боюсь – уложат влежку
Ваши струны да ухабы!
Бог с тобой, ящик Сережка!
Мы с Россией – тоже бабы!

<Начало января 1920>

«У первой бабки – четыре сына...»
У первой бабки – четыре сына,
Четыре сына – одна лучина,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Кожух овчинный, мешок пеньки, –

Четыре сына – да две руки!

Как ни навалишь им чашку – чисто!

Чай, не барчата! – Семинаристы!

А у другой – по иному трахту! –

У той тоскует в ногах вся шляхта.

И вот – смеется у камелька:

«Сто богомольцев – одна рука!»

И зацелованными руками

Чудит над клавишами, шелками...

* * *

Обеим бабкам я вышла – внучка:

Чернорабочий – и белоручка!

январь 1920

«Я эту книгу поручаю ветру...»

Я эту книгу поручаю ветру

И встречным журавлям.

Давным-давно – перекричать разлуку –

я голос сорвала.

Я эту книгу, как бутылку в волны,

Кидаю в вихрь войн.

Пусть странствует она – свечой под праздник –

Вот так: из длани в длань.

О ветер, ветер, верный мой свидетель,

До милых донеси,

Что еженощно я во сне свершаю

Путь – с Севера на Юг.

Москва, февраль 1920

«Доброй ночи чужестранцу в новой келье...»

Доброй ночи чужестранцу в новой келье!

Пусть привидится ему на новоселье

Старый мир гербов и эполет.

Вольное, высокое веселье
Нас – что были, нас – которых нет!

Камердинер расстилает плед.
Пунш пылает. – В памяти балет
Розовой взметается метелью.

Сколько лепестков в ней – столько лет
Роскоши, разгула и безделья
Вам желаю, чужестранец и сосед!

Начало марта 1920

ПСИХЕЯ
Пунш и полночь. Пунш – и Пушкин,
Пунш – и пенковая трубка
Пышущая. Пунш – и лепет
Бальных башмачков по хриплым
Половицам. И – как призрак –
в полукруге арки – птицей –
Бабочкой ночной – Психея!
Шепот: «Вы еще не спите?
я – проститься...» Взор потуплен.
(Может быть, прощенья просит
За грядущие проказы
Этой ночи?) Каждый пальчик
Ручек, павших Вам на плечи,
Каждый перл на шейке плавной
По сто раз перецелован.
И на цыпочках – как пери! –
Пируэтом – привиденьем –
Выпорхнула.
Пунш – и полночь.
Вновь впорхнула: «Что за память!
Позабыла опахало!
Опоздаю... В первой паре
Полонеза...»

Плащ накинув

На одно плечо – покорно –

Под руку поэт – Психею

По трепещущим ступенькам

Провожает. Лапки в плед ей

Сам укутал, волчью полость

Сам запахивает... – «С Богом!»

А Психея,

К спутнице припав – слепому

Пугалу в чепце – трепещет:

Не прожег ли ей перчатку

Пылкий поцелуй арапа...

* * *

Пунш и полночь. Пунш и пепла

Ниспадение на персидский

Палевый халат – и платья

Бального пустая пена

В пыльном зеркале...

Начало марта 1920

«Малиновый и бирюзовый...»
Малиновый и бирюзовый

Халат – и перстень талисманный

На пальце – и такой туманный

В веках теряющийся взгляд,

Влачащийся за каждым валом

Из розовой хрустальной трубки.

А рядом – распластавши юбки,

Как роза распускает цвет –

Под полами его халата,

Припав к плечам его, как змеи,

Две – с ожерельями на шее –

Над шахматами клонят лоб.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Одна – малиновой полою

Прикрылась, эта – бирюзовой.

Глаза опущены. – Ни слова. –

Ресницами ведется спор.

И только челночков узорных

Носок – порой, как хвост змеиный,

Шевелится из-под павлиньей

Широкой юбки игроков.

А тот – игры упорной ставка –

Дымит себе с улыбкой детской.

И Месяц, как кинжал турецкий,

Коварствует в окно дворца.

19 марта 1920

«Она подкрадётся неслышно...»

Она подкрадётся неслышно –

Как полночь в дремучем лесу.

Я знаю: в передничке пышном

Я голубя Вам принесу.

Так: встану в дверях – и ни с места!

Свинцовыми гирями – стыд.

Но птице в переднике – тесно,

И птица – сама полетит!

19 марта 1920

СТАРИННОЕ БЛАГОГОВЕНЬЕ

Двух нежных рук оттолкновение –

В ответ на ангельские плутни.

У нежных ног отдохновение,

Перебирая струны лютни.

Где звонкий говорок бассейна,

В цветочной чаше откровенье,

Где перед робостью весенней

Старинное благоговенье?

Окно, светящееся долго,
И гаснущий фонарь дорожный...
Вздых торжествующего долга
Где непреложное: «не можно»...

В последний раз – из мглы осенней –
Любезной ручки мановенье...
Где перед крепостью кисейной
Старинное благоговенье?

Он пишет кратко – и не часто...
Она, Психеи бестелесней,
Читает стих Экклезиаста
И не читает Песни Песней.

А песнь все та же, без сомненья,
Но, – в Боге все мое имя –
Где перед Библией семейной
Старинное благоговенье?

Между 19 марта и 2 апреля 1920
«Та ж молодость, и те же дыры...»
Та ж молодость, и те же дыры,
И те же ночи у костра...
Моя божественная лира
С твоей гитарою – сестра.

Нам дар один на долю выпал:
Кружить по душам, как метель.
– Грабительница душ! – Сей титул
И мне опущен в колыбель!

В тоске заламывая руки,
Знай: не одна в тумане дней
Цыганским варевом разлуки
Дурманишь молодых князей.

Знай: не одна на ножик вострый

Глядишь с томлением в крови, –
Знай, что еще одна... – Что сестры
В великой низости любви.

<Март 1920>

«Люблю ли вас...»
Люблю ли вас?

Задумалась.
Глаза большие сделались.

В лесах – река,
В кудрях – рука
– Упрямая – запуталась.

Любовь. – Старо.
Грызу перо.
Темно, – а свечку лень зажечь.

Быть – повести!
На то ведь и
Поэтом – в мир рождаешься!

На час дала,
Назад взяла.
(Уже перо летит в потемках!)

Так. Справимся.
Знак равенства
Между любовь – и Бог с тобой.

Что страсть? – Старо.
Вот страсть! – Перо!
– Вдруг – розовая роща – в дом!

Есть запахи –
Как заповедь...
Лоб уронила на́ руки.

Вербное воскресенье

22 марта 1920

«От семи и до семи...»
От семи и до семи

Мы справляли новоселье.

Высоко было веселье –

От семи и до семи!

Между юными людьми

– С глазу на глаз – в темной келье

что бывает? (– Не томи!

Лучше душу отними!)

Нет! – Подобного бесчинства

Не творили мы (не поздно –

Сотворить!) – В сердцах – единство,

Ну а руки были розно!

Двух голов над колыбелью

избежал – убереглась! –

Только хлебом – не постелью

В полночь дружную делясь.

Еженощная повинность,

Бог с тобою, рай условный!

Нет – да здравствует невинность

Ночи – все равно любовной!

В той же келье новоселье –

От семи и до семи

Без «.....» и «обними», –

Благоправное веселье

От семи и до семи!

Март 1920

«Я страшно нищ, Вы так бедны...»
«Я страшно нищ, Вы так бедны,

Так одинок и так один.

Так оба проданы за грош.

Так хороши – и так хорош..

Но нету у меня жезла...»

– Запиской печку разожгла...

Вербное воскресенье 1920

«На царевича похож он...»

На царевича похож он.

– Чем? – Да чересчур хорош он:

На простого не похож.

Семилетняя сболтнула,

А большая – вслед вздохнула...

Дуры обе. – Да и где ж

Ждать ума от светлоглазых?

Обе начитались сказок, –

Ночь от дня не отличат.

А царевичу в поддевке

Вот совет наш: по головке

Семилетнюю погладь.

Раз за дочку, раз за мать.

.....

Впрочем, можно и однажды.

Март 1920

«Буду жалеть, умирая, цыганские песни...»

Буду жалеть, умирая, цыганские песни,

Буду жалеть, умирая..... перстни,

Дым папиросный – бессонницу – легкую стаю

Строк под рукой.

Бедных писаний своих Вавилонскую башню,

Писем – своих и чужих – огнедышащий холмик.

Дым папиросный – бессонницу – легкую смуту

Лбов под рукой.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
3-й день Пасхи 1920

БАЛЛАДА О ПРОХОДИМКЕ
Когда малюткою была

– Шальной девчонкой полуголой –
Не липла – Господу хвала! –
Я к материнскому подолу.

Нет, – через пни и частоколы –
Сады ломать! – Коней ковать! –
А по ночам – в чужие села:
– «Пустите переночевать!»

Расту – прямая как стрела.
Однажды – день клонился долу –
Под дубом – черный, как смола –
Бродячий музыкант с виолой.

Спят , спят цветы и пчелы..
Ну словом – как сие назвать?
я женский стыд переборол:
– «Пустите переночевать!»

Мои бессонные дела!
Кто не спрягал со мной глаголу:
.....? Кого-то не звала
В опустошительную школу?

Ах, чуть закутаешься в полы
Плаща – прощайте, рвань и знать! –
Как по лбу – молотом тяжелым:
– «Пустите переночевать!»

Посылка:

Вы, Ангелы вокруг Престола,
И ты, младенческая Мать!
я так устала быть веселой, –
Пустите переночевать!

2 апреля 1920

ПАМЯТИ Г. ГЕЙНЕ

Хочешь не хочешь – дам тебе знак!

Спор наш не кончен – а только начат!

В нынешней жизни – выпало так:

Мальчик поет, а девчонка плачет.

В будущей жизни – любо глядеть! –

Ты будешь плакать, я буду – петь!

Бубен в руке!

Дьявол в крови!

Красная юбка

В черных сердцах!

Красною юбкой – в небо пылю!

Честь молодую – ковром подстелешь.

Как с мотыльками тебя делю –

Так с моряками меня поделишь!

Красная юбка? – как бы не так!

Огненный парус! – Красный маяк!

Бубен в руке!

Дьявол в крови!

Красная юбка

В черных сердцах!

Слушай приметы: бела как мел,

И не смеюсь, а губами движу.

А чтобы – как увидал – сгорел! –

Не позабудь, что приду я – рыжей.

Рыжей, как этот кленовый лист,

Рыжей, как тот, что в лесах повис.

Бубен в руке!

Дьявол в крови!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Красная юбка

В черных сердцах!

<Начало апреля 1920>

«А следующий раз – глухонемая...»
А следующий раз – глухонемая

Приду на свет, где всем свой стих дарю,
свой слух дарю.

Ведь все равно – что говорят – не понимаю.
Ведь все равно – кто разберет? – что говорю.

Бог упаси меня – опять Коринной
В сей край придти, где люди тверже льдов,
а льдины – скал.

Глухонемою – и с такую длинной –
– вот – до полу – косою, чтоб не узнал!

7 апреля 1920

«Две руки, легко опущенные...»
Две руки, легко опущенные

На младенческую голову!
Были – по одной на каждую –
Две головки мне дарованы.

Но обеими – зажатыми –
Яростными – как могла! –
Старшую у тьмы выхватывая –
Младшей не уберегла.

Две руки – ласкать–разглаживать
Нежные головки пышные.
Две руки – и вот одна из них
За ночь оказалась лишняя.

Светлая – на шейке тоненькой –
Одуванчик на стебле!
Мной еще совсем не понято,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Что дитя мое в земле.

Пасхальная неделя 1920

СЫН
Так, левою рукой упершись в талью,
И ногу выставив вперед,
Стоишь. Глаза блистают сталью,
Не улыбается твой рот.

Краснее губы и чернее брови
Встречаются, но эта масть!
Светлее солнца! Час не пробил
Руну – под ножницами пасть.

Все женщины тебе целуют руки
И забывают сыновей.
Весь – как струна! Славянской скуки
Ни тени – в красоте твоей.

Остолбеневши от такого света,
Я знаю: мой последний час!
И как не умереть поэту,
Когда поэма удалась!

Так, выступив из черноты бессонной
Кремлевских башенных вершин,
Предстал мне в предрассветном сонме
Тот, кто еще придет – мой сын.

Пасхальная неделя 1920

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ
1. «Две руки, легко опущенные...»
Ты пишешь перстом на песке,
А я подошла и читаю.
Уже седина на виске.
Моя голова – золотая.

Как будто в песчаный сугроб
Глаза мне зарыли живые.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Так дети сияющий лоб

Над Библией клонят впервые.

Уж лучше мне камень толочь!
Нет, горлинкой к воронам в стаю!
Над каждой песчинкою – ночь.
А я все стою и читаю.

2. «Ты пишешь перстом на песке...»
Ты пишешь перстом на песке,
А я твоя горлинка, Равви!
Я первенец твой на листке
Твоих поминаний и здравий.

Звеню побрякушками бус,
Чтоб ты оглянулся – не слышишь!
О Равви, о Равви, боюсь –
Читаю не то, что ты пишешь!

А сумрак крадется, как тать,
Как черная рать роковая.
Ты знаешь – чтоб лучше читать –
О Равви – глаза закрываю..

Ты пишешь перстом на песке..

Москва, Пасхи 1920

3. «Не любовницей – любимицей...»
Не любовницей – любимицей
Я пришла на землю нежную.
От рыданий не подыметя
Грудь мальчишая моя.

Оттого-то так и нежно мне –
Не вздыхаючи, не млеючи –
На малиновой скамеечке
У подножья твоего.

Если я к руке опущенной
Ртом прильну – не вздумай хмуриться!

Любованье – хлеб насущный мой:
Я молитву говорю.

Всех кудрей златых – дороже мне
Нежный иней индевеющий
Над малиновой скамеечкой
У подножья твоего.

Головой в колени добрые
Утыкаючись – все думаю:
Все ли – до последней – собраны
Розы для тебя в саду?

Но в одном клянусь: обобраны
Все – до одного! – царевичи –
На малиновой скамеечке
У подножья твоего.

А покамест песни пела я,
Ты уснул – и вот блаженствую:
Самое святое дело мне –
Сонные глаза стеречь!

– Если б знал ты, как божественно
Мне дышать –дохнуть не смеючи –
На малиновой скамеечке
У подножья твоего!

1-е Воскресенье после Пасхи 1920

<Н. Н. В.>
«Не позволяй страстям своим
переступить порог воли твоей.

– Но Аллах мудрее...»

(Тысяча и одна ночь)
1. «Большими тихими дорогами...»
Большими тихими дорогами,
Большими тихими шагами...

Душа, как камень, в воду брошенный –

Та глубока – вода, и та темна – вода..
Душа на все века – схоронена в груди.
И так достать ее оттуда надо мне,
И так сказать я ей хочу: в мою иди!

27 апреля 1920

2. «Целому морю – нужно все небо...»
Целому морю – нужно все небо,
Целому сердцу – нужен весь Бог.

27 апреля 1920

3. «Пахнуло Англией – и морем...»
«то – вопреки всему – Англия...»
Пахну́ло Англией – и морем –
и доблестью. – Суров и статен.
– Так, связываясь с новым горем,
Смеюсь, как юнга на канате

Смеется в час великой бури,
Наедине с господним гневом,
В блаженной, обезьяньей дури
Пляша над пенящимся зевом.

Упорны эти руки, – прочен
Канат, – привык к морской метели!
И сердце доблестно, – а впрочем,
Не всем же умирать в постели!

И вот, весь холод тьмы беззвездной
Вдохнув – на самой мачте – с краю –
Над разверзающейся бездной
– Смеясь! – ресницы опускаю..

27 апреля 1920

4. «Времени у нас часок...»
Времени у нас часок.
Дальше – вечность друг без друга!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
А в песочнице – песок –

Утечет!

Что меня к тебе влечет –
Вовсе не твоя заслуга!
Просто страх, что роза щек –
Отцветет.

Ты на солнечных часах
Монастырских – вызнал время?
На небесных на весах –
Взвесил – час?

Для созвездий и для нас –
Тот же час – один – над всеми.
Не хочу, чтобы зачах –
Этот час!

Только маленький часок
Я у Вечности украла.
Только час – на.....
Всю любовь.

Мой весь грех, моя – вся кара.
И обоих нас – укроет –
Песок.

5. «Да, друг невиданный, неслыханный...»
«я в темноте ничего не чувствую:

что рука – что доска...»

Да, друг невиданный, неслыханный
С тобой. – фонарик потуши!
Я знаю все ходы и выходы
В тюремной крепости души.

Вся стража – розами увенчана:
Слепая, шалая толпа!
– всех ослепила – ибо женщина,
Все вижу – ибо я слепа.

Закрой глаза и не оспаривай
Руки в руке. – Упал засов. –
Нет – то не туча и не зарево!
То конь мой, ждущий седоков!

Мужайся: я твой щит и мужество!
Я – страсть твоя, как в оны дни!
А если голова закружится,
На небо звездное взгляни!

б. «Мой путь не лежит мимо дому – твоего...»
– «А впрочем, Вы ведь никогда не ходите мимо моего дому...»

Мой путь не лежит мимо дому – твоего.
Мой путь не лежит мимо дому – ничьего.

А все же с пути сбиваюсь,
(Особо весной!)

А все же по людям маюсь,
Как пес под луной.

Желанная всюду гостья!
Всем спать не даю!
Я с дедом играю в кости,
А с внуком – пою.

Ко мне не ревнуют жены:
Я – голос и взгляд.
И мне не один влюбленный
Не вывел палат.

Смешно от щедрот незваных
Мне ваших, купцы!
Сама воздвигаю за́ ночь –
Мосты и дворцы.

(А что говорю, не слушай!
Все мелет – бабье!)
Сама поутру разрушу

Творенье свое.

Хоромы – как сноп соломы – ничего!

Мой путь не лежит мимо дому – твоего.

27 апреля 1920

7. «Глаза участливой соседки...»
Глаза участливой соседки

И ровные шаги старушки.

В руках, свисающих как ветки –

Божественное равнодушие.

А юноша греметь с трибуны

Устал. – Все молнии иссякли. –

Лишь изредка на лоб мой юный

Слова – тяжелые, как капли.

Луна как рубище льняное

Вдоль членов, кажущихся дымом.

– Как хорошо мне под луною –

С нелюбящим и нелюбимым.

29 апреля 1920

8. «Нет, легче жизнь отдать, чем час...»
«День – для работы, вечер – для беседы, а ночью нужно спать».

Нет, легче жизнь отдать, чем час

Сего блаженного тумана!

Ты мне велишь – единственный приказ! –

И засыпать и просыпаться – рано.

Пожалуй, что и снов нельзя

Мне видеть, как глаза закрою.

Не проще ли тогда – глаза

Закрывать мне собственной рукою?

Но я боюсь, что все ж не будут спать

Глаза в гробу – мертвецким сном законным.

Оставь меня. И отпусти опять:

14 мая 1920

9. «В мешок и в воду – подвиг доблестный...»
В мешок и в воду – подвиг доблестный!

Любить немножко – грех большой.
Ты, ласковый с малейшим волосом,
Неласковый с моей душой.

Червонным куполом прельщаются
И вороны, и голубки.
Кудрям – все прихоти прощаются,
Как гиацинту–завитки.

Грех над церковкой златоглавою
Кружить – и не молиться в ней.
Под этой шапкою кудрявою
Не хочешь ты души моей!

Вникая в прядки золотистые,
Не слышишь жалобы смешной:
О, если б ты – вот так же истово
Клонился над моей душой!

14 мая 1920

10. «На бренность бедную мою...»
На бренность бедную мою

Взираешь, слов не расточая.
Ты – каменный, а я пою,
Ты – памятник, а я летаю.

Я знаю, что нежнейший май
Пред оком Вечности – ничтожен.
Но птица я – и не пеняй,
Что легкий мне закон положен.

16 мая 1920

11. «Когда отталкивают в грудь...»
Когда отталкивают в грудь,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ты на ноги надейся – встанут!

Стучись опять к кому-нибудь,
Чтоб снова вечер был обманут.

..... с канатной вышины
Швыряй им жемчуга и розы.
..... друзьям твоим нужны –
Стихи, а не простые слезы.

16 мая 1920

12. «Сказавший всем страстям: прости...»
Сказавший всем страстям: прости –

Прости и ты.

Обиды наглоталась всласть.
Как хлещущий библейский стих,
Читаю я в глазах твоих:
«Дурная страсть!»

В руках, тебе несущих есть,
Читаешь – лесть.
И смех мой – ревность всех сердец! –
Как прокаженных бубенец –
Гремит тебе.

И по тому, как в руки вдруг
Кирку берешь – чтоб рук
Не взять (не те же ли цветы?),
Так ясно мне – до тьмы в очах! –
Что не было в твоих стадах
Черней – овцы.

Есть остров – благостью Отца, –
Где мне не надо бубенца,
Где черный пух –
Вдоль каждой изгороди. – Да. –
Есть в мире – черные стада.
Другой пастух.

17 мая 1920

13. «Да, вздохов обо мне – край непочатый...»
Да, вздохов обо мне – край непочатый!

А может быть – мне легче быть проклятой!

А может быть – цыганские заплаты –

Смирненные – мои

Не меньше, чем несмешанное золото,

чем белизной пылающие латы

Пред ликом судии.

Долг плясуна – не дрогнуть вдоль каната,

Долг плясуна – забыть, что знал когда-то –

Иное вещество,

чем воздух – под ногой своей крылатой!

Оставь его. Он – как и ты – глашатай

Господа своего.

17 мая 1920

14. «Суда поспешно не чини...»
Суда поспешно не чини:

Непрочен суд земной!

И голубиной – не черни

Галчонка – белизной.

А впрочем – что ж, коли не лень!

Но всех перелюбя,

Быть может, я в тот черный день

Очнусь – белей тебя!

17 мая 1920

15. «Так из дому, гонимая тоской...»
«Я не хочу – не могу – и не умею Вас обидеть...»

Так из дому, гонимая тоской,

– Тобой! – всей женской памятью, всей жаждой,

Всей страстью – позабыть! – Как вал морской,

Ношусь вдоль всех штыков, мешков и граждан.

О вспененный высокий вал морской
Вдоль каменной советской Поварской!

Над дремлющей борзой склонюсь – и вдруг –
Твои глаза! – Все руки по иконам –
Твои! – О, если бы ты был без глаз, без рук,
Чтоб мне не помнить их, не помнить их, не помнить!

И, приступом, как резвая волна,
Беру головоломные дома.

Всех перецеловала чередом.
Вишу в окне. – Москва в кругу просторном.
Ведь любит вся Москва меня! – А вот твой дом..
Смеюсь, смеюсь, смеюсь с зажатым горлом.

И пятилетний, прожевав пшено:
– «Без Вас нам скучно, а с тобой смешно»...

Так, оплетенная венком детей,
Сквозь сон – слова: «Боюсь, под корень рубит –
Поляк... Ну что? – Ну как? – Нет новостей?»
– «Нет, – впрочем, есть: что он меня не любит!»

И, репликою мужа изумив,
Иду к жене – внимать, как друг ревнив.

Стихи – цветы – (И кто их не дает
Мне за стихи?) В руках – целая вьюга!
Тень на домах ползет. – Вперед! Вперед!
Чтоб по людскому цирковому кругу

Дурную память загонять в конец, –
Чтоб только не очнуться, наконец!

Так от тебя, как от самой Чумы,
Вдоль всей Москвы –..... длинноногой
Кружить, кружить, кружить до самой тьмы –

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Чтоб, наконец, у своего порога

Остановиться, дух переводя...

– И в дом войти, чтоб вновь найти – тебя!

17 – 19 мая 1920

16. «Восхищенной и восхищённой...»
Восхищенной и восхищённой,

Сны видящей средь бела дня,

Все спящей видели меня,

Никто меня не видел сонной.

И оттого, что целый день

Сны проплывают пред глазами,

Уж ночью мне ложиться – лень.

И вот, тоскующая тень,

Стою над спящими друзьями.

17 – 19 мая 1920

17. «Пригвождена к позорному столбу...»
Пригвождена к позорному столбу

Славянской совести старинной,

С змеею в сердце и с клеймом на лбу,

Я утверждаю, что – невинна.

Я утверждаю, что во мне покой

Причастницы перед причастьем.

Что не моя вина, что я с рукой

По площадям стою – за счастьем.

Пересмотрите все мое добро,

Скажите – или я ослепла?

Где золото мое? Где серебро?

В моей руке – лишь горстка пепла!

И это все, что лестью и мольбой

Я выпросила у счастливых.

И это все, что я возьму с собой

В край целований молчаливых.

18. «Пригвождена к позорному столбу...»
Пригвождена к позорному столбу,
я все ж скажу, что я тебя люблю.

Что ни одна до самых недр – мать
Так на ребенка своего не взглянет.
Что за тебя, который делом занят,
Не умереть хочу, а умирать.
Ты не поймешь, – малы мои слова! –
Как мало мне позорного столба!

Что если б знамя мне доверил полк,
И вдруг бы ты предстал перед глазами –
С другим в руке – окаменев как столб,
Моя рука бы выпустила знамя...
И эту честь последнюю поправ,
Прениже ног твоих, прениже трав.

Твоей рукой к позорному столбу
Пригвождена – березкой на лугу

Сей столб встает мне, и не рокот толп –
То голуби воркуют утром рано..
И все уже отдав, сей черный столб
я не отдам – за красный нимб Руана!

19. «Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя...»
Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя.

я руку, бьющую меня, целую.

В грудь оттолкнувшую – к груди тяну,
чтоб, удивясь, прослушал – тишину.

И чтоб потом, с улыбкой равнодушной:
– Мое дитя становится послушным!

Не первый день, а многие века
уже тяну тебя к груди, рука

Монашеская – хладная до жара! –

Рука – о Элоиза! – Абеяра.

В гром кафедральный – дабы насмерть бить! –

Ты, белой молнией взлетевший бич!

19 мая 1920, Канун Вознесения

20. «Сей рукой, о коей мореходы...»
Сей рукой, о коей мореходы

Протрубили на сто солнц окрест,

Сей рукой, в ночах ковавшей – оды,

Как неграмотная ставлю – крест.

Если ж мало, – наперед согласна!

Обе их на плаху, чтоб в ночи

Хлынувшим – веселым валом красным

Затопить чернильные ручьи!

20 мая 1920

21. «И не спасут ни стансы, ни созвездья...»
И не спасут ни стансы, ни созвездья.

А это называется – возмездье

За то, что каждый раз,

Стан разгибая над строкой упорной,

Искала я над лбом своим просторным

Звезд только, а не глаз.

Что самодержцем Вас признав на веру,

– Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,

Без Вас мне не был пуст!

Что по ночам, в торжественных туманах,

Искала я у нежных уст румяных –

Рифм только, а не уст.

Возмездие за то, что злейшим судьям

Была – как снег, что здесь, под левой грудью –

Вечный апофеоз!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Что с глазу на́ глаз с молодым Востоком

Искала я на лбу своем высоком
Зорь только, а не роз!

20 мая 1920

22. «Не так уж подло и не так уж просто...»
Не так уж подло и не так уж просто,
Как хочется тебе, чтоб крепче спать.
Теперь иди. С высокого помоста
Кивну тебе опять.

И, удивленно подымая брови,
Увидишь ты, что зря меня чернил:
Что я писала – чернотой крови,
Не пурпуром чернил.

23. «Кто создан из камня, кто создан из глины...»
Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брэнная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти –
Тем гроб и надгробные плиты..
– В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня – видишь кудри беспутные эти? –
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – воскресаю!
Да здравствует пена – веселая пена –
Высокая пена морская!

23 мая 1920

24. «Возьмите всё, мне ничего не надо...»
Возьмите всё, мне ничего не надо.

И вывезите в.....

Как за решетку розового сада
Когда-то Бог – своей рукою – ту.

Возьмите все, чего не покупала:
Вот....., и..... и тетрадь.
Я все равно – с такой горы упала,
Что никогда мне жизни не собрать!

Да, в этот час мне жаль, что так бесславно
Я прожила, в таком глубоком сне, –
Щенком слепым! – Столкнув меня в канаву,
Благое дело сотворите мне.

И вместо той – как.....
Как рокот площадных вселенских волн –
Вам маленькая слава будет – эта:
Что из-за Вас..... – новый холм.

23 мая 1920

25. СМЕРТЬ ТАНЦОВЩИЦЫ
Вижу комнату парадную,
Белизну и блеск шелков.
Через все – тропу громадную –
– Черную – к тебе, альков.

В головах – доспехи бранные
Вижу: веер и канат.
– И глаза твои стеклянные,
Отражавшие закат.

24 мая 1920

26. «Я не танцую, – без моей вины...»
Я не танцую, – без моей вины
Пошло волнами розовое платье.
Но вот обеими руками вдруг
Перехитрен, накрыт и пойман – ветер.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Молчит, хитрец. – Лишь там, внизу колен,

Чуть-чуть в краях подрагивает. – Пойман!

О, если б Прихоть я сдержать могла,

Как разволнованное ветром платье!

24 мая 1920

27. «Глазами ведьмы зачарованной...»
Глазами ведьмы зачарованной

Гляжу на Божие дитя запретное.

С тех пор как мне душа дарована,

я стала тихая и безответная.

Забыла, как речную чайкою

Всю ночь стонала под людскими окнами.

я в белом чепчике теперь – хозяйкою

Хожу степенною, голубокою.

И даже кольца стали тусклые,

Рука на солнце – как мертвец спеленутый.

Так солон хлеб мой, что нейдет, во рту стоит, –

А в солонице соль лежит нетронута...

25 мая 1920

«О, скромный мой кров! Нищий дым...»
О, скромный мой кров! Нищий дым!

Ничто не сравнится с родным!

С окошком, где вместе горюем,

С вечерним, простым поцелуем

Куда-то в щеку, мимо губ...

День кончен, заложен засов.

О, ночь без любви и без снов!

– Ночь всех натрудившихся жниц, –

Чтоб завтра до света, до птиц

В упорстве души и костей

Работать во имя детей.

О, знать, что и в пору снегов
Не будет мой холм без цветов...

14 мая 1920

«Сижу без света, и без хлеба...»
С. Э.

Сижу без света, и без хлеба,
И без воды.

Затем и насылает беды
Бог, что живой меня на небо
Взять замышляет за труды.

Сижу, – с утра ни корки черствой –
Мечту такую люблю,
Что – может – всем своим покорством
– Мой воин! – выкуплю тебя.

16 мая 1920

«Писала я на аспидной доске...»
С. Э.

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблѣклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стеклах, –

И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец – чтоб было всем известно! –
Что ты любим! любим! любим! – любим! –
Расписывалась – радугой небесной.

Как я хотела, чтобы каждый цвел
В веках со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-накрест перечеркивала – имя...

Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! внутри кольца!

Ты – уцелеешь на скрижалях.

18 мая 1920

«Тень достигла половины дома...»
Тень достигла половины дома,

Где никто не знает про меня.

Не сравню с любовною истомой

Благородство трудового дня.

Этот коронный коронован

Будет царь... – Пот на державном лбу! –

Мне ж от Бога будет сон дарован

В безымянном, но честном гробу.

21 мая 1920

«Все братья в жалости моей...»
Все братья в жалости моей!

Мне жалко нищих и царей,

Мне жалко сына и отца...

За будущую тень лица,

За тень грядущего венца,

За тень сквозного деревца...

– Впалость плечей...

21 мая 1920

«Руку на сердце положи...»
Кричали женщины ура

И в воздух чепчики бросали...

Руку на сердце положи:

Я не знатная госпожа!

Я – мятежница лбом и чревом.

Каждый встречный, вся площадь, – все! –

Подтвердят, что в дурном родстве

Я с своим родословным древом.

Кремль! Черна чернотой твоей!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Но не скрою, что всех мощней

Преценнее мне – пепел Гришки!

Если ж чепчик кидаю вверх, –
Ах! не так же ль кричат на всех
Мировых площадях – мальчишки?!

Да, ура! – За царя! – Ура!
Восхитительные утра
Всех, с начала вселенной, въездов!

Выше башен летит чепец!
Но – минуя литой венец
На челе истукана – к звездам!

21 мая 1920

«Одна половинка окна растворилась...»
Одна половинка окна растворилась.

Одна половинка души показалась.
Давай-ка откроем – и ту половинку,
И ту половинку окна!

25 мая 1920

ПЕСЕНКИ ИЗ ПЬЕСЫ «УЧЕНИК»

1. «В час прибоья...»
В час прибоья

Голубое

Море станет серым.

В час любви

Молодое

Сердце станет верным.

Бог, храни в часы прибоья –

лодку, бедный дом мой!

Охрани от злой любви

Сердце, где я дома!

2. «Сказать: верна...»
Сказать: верна,

Прибавить: очень,

А завтра: ты мне не танцор, –
Нет, чем таким цвести цветочком, –
Уж лучше шею под топор!

Пускай лесник в рубахе красной
Отделит купол от ствола –
Чтоб мать не мучилась напрасно,
Что не одна в ту ночь спала.

Не снился мне сей дивный ужас:
Венчаться перед королем!
Мне женихом – топор послужит,
Помост мне будет – алтарем!

3. «Я пришел к тебе за хлебом...»
Я пришел к тебе за хлебом

За святым насущным.
Точно в самое я небо –
Не под кровлю впущен!

Только Бог на звездном троне
Так накормит вдоволь!
Бог, храни в своей ладони
Пастыря благого!

Не забуду я хлеб-соли,
Как поставлю парус!
Есть на свете три неволи:
Голод – страсть – и старость...

От одной меня избавил,
До другой – далёко!
Ничего я не оставил
У голубоокой!

Мы, певцы, что мореходы:
Покидаем вскоре!
Есть на свете три свободы:

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Песня – хлеб – и море...

4. «Там, на тугом канате...»
Там, на тугом канате,

Между картонных скал,
Ты ль это как лунатик
Приступом небо брал?

Новых земель вельможа,
Сын неземных широт –
Точно содрали кожу –
Так улыбался рот.

Грохнули барабаны.
Ринулась голь и знать
Эту живую рану
Бешеным ртом зажать.

Помню сухой и жуткий
Смех – из последних жил!
Только тогда – как будто –
Юбочку ты носил...

5. (МОРЯКИ И ПЕВЕЦ)
Среди диких моряков – простых рыбаков

Для шутов и для певцов
Стол всегда готов.

Само море нам – хлеб,
Само море нам – соль,
Само море нам – стакан,
Само море нам – вино.

Мореходы и певцы – одной материи птенцы,
Никому – не сыны,
Никому – не отцы.

Мы – веселая артель!
Само море – нам купель!
Само море нам – качель!

А девчонка у нас – заведется в добрый час,

Лишь одна у нас опаска:

Чтоб по швам не разошлась!

Бела пена – нам полог,

Бела пена – нам перинка,

Бела пена – нам подушка,

Бела пена – пуховик.

б. (ПЕВЕЦ – ДЕВУШКАМ)

Вам, веселые девицы,

– Не упомянул всех имен –

Вам, веселые девицы,

От певца – земной поклон.

Блудного – примите – сына

В круг отверженных овец:

Перед Господом едино:

Что блудница – что певец.

Все мы за крещенский крендель

Отдали людской почет:

Ибо: кто себя за деньги,

Кто за душу – продает.

В пышущую печь Геенны,

Дьявол, не жалея дровец!

И взойдет в нее смиренно

За блудницу – певец.

Что ж что честь с нас пооблезла,

Что ж что совесть в нас смугла, –

Разом побелят железом,

Раскаленным добела!

Не в харчевне – в зале тронном

Мы – и нынче Бог-Отец –

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
я, коленопреклоненный

Пред блудницу – певец!

7. «Хоровод, хоровод...»
– Хоровод, хоровод,

Чего ножки бьешь?

– Мореход, мореход,

Чего вдаль плывешь?

Пляшу, – пол горячий!

Боюсь, обожгусь!

– Отчего я не плачу?

Оттого что смеюсь!

Наш моряк, моряк –

Морячок морской!

А тоска – червяк,

Червячок простой.

Поплыл за удачей,

Привез – нитку бус.

– Отчего я не плачу?

Оттого что смеюсь!

Глубоки моря!

Ворочайся вспять!

Зачем рыбам – зря

Красоту швырять?

Бог дал, – я растрочу!

Крест медный – весь груз.

– Отчего я не плачу?

Оттого что смеюсь!

Между 25 мая и 13 июля 1920

<8>. «И что тому костер остывший...»
И что тому костер остывший,

Кому разлука – ремесло!

Одной волною накатило,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Другой волною унесло.

Ужели в раболепном гневе
За милым поползу ползком –
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Кусай себе, дружочек родный,
Как яблоко – весь шар земной!
Беседуя с пучиной водной,
Ты все ж беседуешь со мной.

Подобно земнородной деве,
Не скрестит две руки крестом –
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Нет, наши девушки не плачут,
Не пишут и не ждут вестей!
Нет, снова я пущусь рыбачить
Без невода и без сетей!

Какая власть в моем напеве, –
Одна не ведаю о том, –
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.

Такое уж мое именье:
Весь век дарю – не издарю!
Зато прибрежные каменья
Дробя, – свою же грудь дроблю!

Подобно пленной королеве,
Что молвлю на суду простом –
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.

13 июня 1920

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
<9>. «Вчера еще в глаза глядел...»
Вчера еще в глаза глядел,

А нынче – все косится в сторону!

Вчера еще до птиц сидел, –

Все жаворонки нынче – вороны!

Я глупая, а ты умен,

Живой, а я остолбенелая.

О вопль женщин всех времен:

«Мой милый, что тебе я сделала?!»

И слезы ей – вода, и кровь –

Вода, – в крови, в слезах умылася!

Не мать, а мачеха – Любовь:

Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,

Уводит их дорога белая...

И стон стоит вдоль всей земли:

«Мой милый, что тебе я сделала?»

Вчера еще – в ногах лежал!

Равнял с Китайскою державою!

Враз обе рученьки разжал, –

Жизнь выпала – копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду

Стою – немилая, несмелая.

Я и в аду тебе скажу:

«Мой милый, что тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:

«За что, за что терплю и бедствую?»

«Отцеловал – колесовать:

Другую целовать», – отвечают.

Жить приучил в самом огне,

Сам бросил – в степь заледенелую!

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вот что ты, милый, сделал мне!

Мой милый, что тебе – я сделала?

Все ведаю – не прекословь!

Вновь зрячая – уж не любовница!

Где отступается Любовь,

Там подступает Смерть-садовница.

Само – что дерево трясти! –

В срок яблоко спадает спелое...

– За все, за все меня прости,

Мой милый, – что тебе я сделала!

14 июня 1920

ЕВРЕЯМ

Так бессеребрено – так бескорыстно,

Как отрок – нежен и как воздух синь,

Приветствую тебя ныне и присно

Во веки веков. – Аминь. –

Двойной вражды в крови своей поповской

И шляхетской – стираю письма.

Приветствую тебя в Кремле московском,

Чужая, чудная весна!

Кремль почерневший! Попран! – Предан! – Продан!

Над куполами воронье кружит.

Перекрестясь – со всем простым народом

Я повторяла слово: жид.

И мне – в братоубийственном угаре –

Крест православный – Бога затемнял!

Но есть один – напрасно имя Гарри

На Генриха он променял!

Ты, гренадеров певший в русском поле,

Ты, тень Наполеонова крыла, –

И ты жидом пребудешь мне, доколе

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не просияют купола!

Май 1920

«Где слезиночки роняла...»
Где слезиночки роняла,
Завтра розы будут цвести.
Я кружавчики сплетала,
Завтра сети буду плести.

Вместо моря мне – все небо,
Вместо моря – вся земля.
Не простой рыбацкий невод –
Песенная сеть моя!

15 июня 1920

ЗЕМНОЕ ИМЯ
Стакан воды во время жажды жгучей:

– Дай – или я умру! –
Настойчиво – расслабленно – певуче –
Как жалоба в жару –

Все повторяю я – и все жесточе
Снова – опять –
Как в темноте, когда так страшно хочешь
Спать – и не можешь спать.

Как будто мало по лугам снотворной
Травы от всяческих тревог!
Настойчиво – бессмысленно – повторно –
Как детства первый слог...

Так с каждым мигом все неповторимей
К горлу – ремнем...
И если здесь – всего – земное имя, –
Дело не в нем.

Между 16 и 25 июня 1920

«Заря пылала, догорая...»
Заря пылала, догорая,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Солдатики шагали в ряд.

Мне мать сказала, умирая:

– Надень мальчишеский наряд.

Вся наша белая дорога

У них, мальчоночков, в горсти.

Девчонке самой легконогой

Все ж дальше сердца не уйти!

Мать думала, солдаты пели.

И все, пока не умерла,

Подрагивал конец постели:

Она танцовщицей была!

...И если сердце, разрываясь,

Без лекаря снимает швы, –

Знай, что от сердца – голова есть,

И есть топор – от головы...

Июнь 1920

«Руки заживо скрещены...»

Руки заживо скрещены,

А помру без причастья.

Вдоль души моей – трещина.

Мое дело – пропащее.

А узнать тебе хочется

А за что я наказана –

Взглянь в окно: в небе дочиста

Мое дело рассказано.

Июнь 1920

«Был Вечный Жид за то наказан...»

Был Вечный Жид за то наказан,

Что Бога прогневил отказом.

Судя по нашей общей каре –

Творцу кто отказал – и тварям

Кто не отказывал – равны.

июнь 1920

«Дом, в который не стучатся...»
Дом, в который не стучатся:

Нищим нечего беречь.

Дом, в котором – не смущаться:

Можно сесть, а можно лечь.

Не судить – одно условие,

.....

Окна выбиты любовью,

Крышу ветром сорвало.

Всякому –... ты сам Каин –

Всем стаканы налиты!

Ты такой как я – хозяин,

Так же гостя, как и ты.

Мне добро досталось даром, –

Так и спрячь свои рубли!

Окна выбиты пожаром,

Дверь зима сняла с петли!

Чай не сладкий, хлеб не белый –

Личиком бела зато!

Тем делюсь, что уцелело,

Всем делюсь, что не взято.

Трудные мои завязки –

Есть служанка – подсобит!

А плясать – пляши с опаской,

Пол поклонами пробит!

Хочешь в пляс, а хочешь в лежку, –

Спору не встречал никто.

Тесные твои сапожки?

Две руки мои на что?

А насытила любовью, –

В очи плюнь, – на то рукав!

Не судить: одно условие.

Не платить: один устав.

28 июня 1920

«Уравнены: как да и нет...»

Уравнены: как да и нет,

Как черный цвет – и белый цвет.

Как в творческий громовый час:

С громадою Кремля – Кавказ.

Не путал здесь – земной аршин.

Все равные – дети вершин.

Равняться в низости своей –

Забота черни и червей.

В час благодатный громовой

Все горы – братья меж собой!

Так, всем законам вопреки,

Сцепились наши две руки.

* * *

И оттого что оком – желт,

Ты мне орел – цыган – и волк.

Цыган в мешке меня унес,

Орел на вышний на утес

Восхитил от страды мучной.

– А волк у ног лежит ручной.

<Июнь – июль 1920>

EX-CI-DEVANT[20]

(Отзвук Стаховича)

Хоть сто мозолей – трех веков не скроешь!

Рук не исправишь – топором рубя!

О, откровеннейшее из сокровищ:

Порода! – узнаю Тебя.

Как ни коптись над ржавой сковородкой –

Всё вокруг тебя твоих Версалей – тишь.
Нет, самую косой косовороткой
Ты шеи не укоротишь.

Над снежным валом иль над трубной сажей
Дугой согбен, всё ж – гордая спина!
Не окриком, – всё той же барской блажью
Тебе работа задана.

Выменивай по нищему Арбату
Дрянную сельдь на пачку папирос –
Всё равенство нарушит – нос горбатый:
Ты – горбонос, а он – курнос.

Но если вдруг, утомлено получкой,
Тебе дитя цветок протянет – в дань,
Ты так же поцелуешь эту ручку,
Как некогда – Царицы длань.

Июль 1920

«И если руку я даю...»
И если руку я даю –
То погадать – не целовать.

Скажи мне, встречный человек,
По синим по дорогам рек

К какому морю я приду?
В каком стакане потону?

– Чтоб навзничь бросил наповал –
Такой еще не вырос – вал.

Стакан твой каждый – будет пуст.
Сама ты – океан для уст.

Ты за стаканом бей стакан,
Топи нас, море-окиян!

* * *

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
А если руку я беру –

То не гадать – поцеловать.

Сама запуталась, паук,
В изделии своих же рук.

– Сама не разгибаю лба, –
Какая я тебе судьба?

<Июль 1920>

«Сколько у тебя дружочков...»
– Сколько у тебя дружочков?

Целый двор, пожалуй?

– После кройки лоскуточков,
Прости, не считала.

– Скольких перепричащала?

Поди, целый рынок?

– А на шали бахроминок,
Прости, не считала.

– А сердца покласть в рядочек –

Дойдешь до Китая?

– Нынче тиф косит, дружочек!

Помру – сосчитаю.

* * *

Две руки – и пять на каждой –

Пальчиков проворных.

И на каждом – перстенечек.

(На котором – по два.)

К двум рукам – все пальцы – к ним же

Перстеньки прибавить –

Не начтешь и пятой доли

<Всех>, кого любила!

<Июнь – июль 1920>

«Ветер, ветер, выметающий...»
Ветер, ветер, выметающий,

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Заметающий следы!

Красной птицей залетающий
в белокаменные лбы.

Длинноногим псом ныряющий
Вдоль равнины овсяной.
– Ветер, голову теряющий
От юбочки кружевной!

Пурпуровое поветрие,
Первый вестник мятежу, –
Ветер – висельник и ветреник, –
В кулачке тебя держу!

Полно баловать над кручами,
Головы сбивать снегам, –
Ты – моей косынкой скрученный
По рукам и по ногам!

За твои дела острожные, –
Расквитаемся с тобой, –
Ветер, ветер в куртке кожаной,
С красной – да во лбу – звездой!

<Июль 1920>

«Не хочу ни любви, ни почестей...»
Не хочу ни любви, ни почестей:

– Опынительны. – Не падка!

Даже яблочка мне не хочется

– Соблазнительного – с лотка...

Что-то цепью за мной волочится,
Скоро громом начнет греметь.

– Как мне хочется,

Как мне хочется –

Потихонечку умереть!

<Июль 1920>

«Смерть – это нет...»
Смерть – это нет,

Смерть – это нет,

Смерть – это нет.

Нет – матерям,

Нет – пекарям.

(Выпек – не съешь!)

Смерть – это так:

Недостроенный дом,

Недовзращенный сын,

Недовязанный сноп,

Недодышанный вздох,

Недокрикнутый крик.

Я – это да,

Да – навсегда,

Да – вопреки,

Да – через всё!

Даже тебе

Да кричу, Нет!

Стало быть – нет,

Стало быть – вздор,

Календарная ложь!

<Июль 1920>

«Ты разбойнику и вору...»
Ты разбойнику и вору

Бросил славную корону,

Предку твоему дарованную

За военные труды.

Предок твой был горд и громок, –

Правнук – ты дурной потомок.

Ты разбойнику и вору

Отдал сына дорогого,

Княжью кровь высокородную.

Бросил псам на площади.

Полотенцем ручки вытер..

– Правнук, ты дурной родитель.

Ты разбойнику и вору

Больше княжеской короны

Отдал – больше сына! – сердце,

Вырванное из груди.

Прадед твой гремит, вояка:

– «Браво! – Молодцом – атака!»

<Июль 1920>

«Я вижу тебя черноокой, – разлука...»

Я вижу тебя черноокой, – разлука!

Высокой, – разлука! – Одинокой, – разлука!

С улыбкой, сверкнувшей, как ножик, – разлука!

Совсем на меня не похожей – разлука!

На всех матерей, умирающих рано,

На мать и мою ты похожа, – разлука!

Ты так же вуаль оправляешь в прихожей.

Ты Анна над спящим Сережей, – разлука!

Стрясается – в дом забредешь желтоглазой

Цыганкой, – разлука! – молдаванкой, – разлука!

Без стука, – разлука! – Как вихрь заразный

К нам в жилы врываешься – лихорадкой, – разлука!

И жжешь, и звенишь, и топочешь, и свищешь,

И ревешь, и рокочешь – и – разорванным шелком –

– Серым волком, – разлука! – Не жалея ни деда, ни внука, –

разлука!

Филином-птицей – разлука! Степной кобылицей, – разлука!

Не потомком ли Разина – широкоплечим, ражим, рыжим

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Я погромщиком тебя увидала, – разлука?

– Погромщиком, выпускающим кишки и перины?..

* * *

Ты нынче зовешься Мариной, – разлука!

Конец июля 1920

«Другие – с очами и с личиком светлым...»
Другие – с очами и с личиком светлым,

А я-то ночами беседую с ветром.

Не с тем – итальянским

Зефиром младым, –

С хорошим, с широким,

Российским, сквозным!

Другие всей плотью по плоти плутают,

Из уст пересохших – дыханье глотают...

А я – руки настезь! – застыла – столбняк!

Чтоб выдул мне душу – российский сквозняк!

Другие – о, нежные, цепкие путы!

Нет, с нами Эол обращается круто.

– Небось, не растаешь! Одна – мол – семья! –

как будто и вправду – не женщина я!

2 августа 1920

«И вот исчез, в черную ночь исчез...»
И вот исчез, в черную ночь исчез,

– Как некогда Иосиф, плащ свой бросив.

Гляжу на плащ – черного блеска плащ,

Земля <горит>, а сердце – смерти просит.

Жестокосердый в сем году июль,

лесною гарью душит воздух ржавый.

В ушах – туман, и в двух шагах – туман,

И солнце над Москвой – как глаз кровавый.

Гарь торфяных болот. – Рот пересох.

Не хочет дождь на грешные просторы!

– Гляжу на плащ – светлого плеску – плащ!

Ты за плащом своим придешь не скоро.

<Начало августа 1920>

«И вот исчез, в черную ночь исчез...»
Июнь. Июль. Часть соловьиной дрожи.

– И было что-то птичье в нас с тобой –

Когда – ночь соловьиною тревожа –

Мы обмирали – каждый над собой!

А Август – царь. Ему не до рулады,

Ему – до канонады Октября.

Да, Август – царь. – Тебе царей не надо, –

А мне таких не надо – без царя!

<Август 1920>

«... коль делать нечего...»
... коль делать нечего!

Неужели – сталь к виску?

В три вечера я, в три вечера

Всю вытосковала – тоску.

Ждала тебя на подоконничке

– Ревнивее, чем враг – врага. –

Легонечко, любовь, легонечко!

У низости – легка нога!

Смотри, чтобы другой дорожкой

Не выкрался любовный тать.

Бессонная моя душа, сторожка,

За молодость отвыкла спать!

Но все же, голубок неласковый,

Я в книжицу впишу Разлук:

– Не вытосковала тоски – вытаскивала

Всей крепостью неженских рук!

Проснулась поутру, как нищая:

– Все – чисто.....

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не вытосковала тебя, – не вытащила –

А вытолкала тебя в толчки!

8 августа 1920

(ОТРЫВОК)

Как пьют глубокими глотками

– Непереносен перерыв! –

Так – в памяти – глаза закрыв,

Без памяти – люблюсь Вами!

Как в горло – за глотком глоток

Стекает влага золотая,

Так – в памяти – за слогом слог

Наречья галльского глотаю.

Август 1920

«В подвалах – красные окошки...»

В подвалах – красные окошки.

Визжат несчастные гармошки, –

Как будто не было флажков,

Мешков, штыков, большевиков.

Так русский дух с подвалом сросся, –

Как будто не было и вовсе

На Красной площади – гробов,

Ни обезглавленных гербов.

..... ладонь с ладонью –

Так наша жизнь слилась с гармонью.

Как будто Интернационал

У нас и дня не гостевал.

Август 1920

«Все сызнава: опять рукою робкой...»

Все сызнава: опять рукою робкой

Надавливать звонок.

(Мой дом зато – с атласною коробкой

Сравнить никто не смог!)

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Все сызнава: опять под стопки пански

Швырять с размаху грудь.

(Да, от сапог казанских, рук цыганских

Не вредно отдохнуть!)

Все сызнава: про брови, про ресницы,

И что к лицу ей – шелк.

(Оно, дружок, не вредно после ситцу, –

Но, ах, все тот же толк!)

Все сызнава:.....

.....

(После волос коротких – слов высоких

Вдруг: щебет – и шиньон!)

Все сызнава: вновь как у царских статуй –

Почетный караул.

(Я не томлю – обычай, перенятый

У нищих Мариул!)

Все сызнава: коленопреклоненья,

Оттолкновенья – сталь.

(Я думаю о Вашей зверской лени, –

И мне Вас зверски жаль!)

Все сызнава:.....

И уж в дверях: вернись!

(Обмен на славу: котелок солдатский –

На севрский сервиз)

Все сызнава: что мы в себе не властны,

Что нужен дуб – плещу.

(Сенной мешок мой – на альков атласный

Сменен – рукоплещу!)

Все сызнава: сплошных застежек сбруя,

Звон шпилек.....

(Вот чем другим, – а этим не грешу я:

Ни шпилек, ни.....!)

И сызнава: обняв одной, окурок

Уж держите другой.

(Глаз не открывши – и дымит, как турок

кто стерпит, дорогой?)

И сызнава: между простынь горячих

Ряд сдавленных зевков.

(Один зеваает, а другая – плачет.

Весь твой Эдем, альков!)

И сызнава: уже забыв о птичке,

Спать, как дитя во ржи...

(Но только умоляю: по привычке

– Марина – не скажи!)

1920

«Проста моя осанка...»

Проста моя осанка,

Нищ мой домашний кров.

Ведь я островитянка

С далеких островов!

Живу – никто не нужен!

Взошел – ночей не сплю.

Согреть чужому ужин –

Жилье свое спалю.

Взглянул – так и знакомый,

Взошел – так и живи.

Просты наши законы:

Написаны в крови.

Луну заманим с неба

В ладонь – коли мила!

Ну а ушел – как не был,

И я – как не была.

Гляжу на след ножовый:

Успеет ли зажить

До первого чужого,

Который скажет: пить.

Август 1920

«Бог, внемли рабе послушной...»
Бог, внемли рабе послушной!

Цельный век мне было душно

От той кровушки-крови.

Цельный век не знаю: город

Что ли брать какой, аль ворот.

Разорвать своей рукой.

Все гулять уводят в садик,

А никто ножа не всадит,

Не помилует меня.

От крови моей богатой,

Той, что в уши бьет набатом,

Молотом в висках кует,

Очи застит красной тучей,

От крови сильно-могучей

Пленного богатыря.

Не хочу сосновой шишкой

В срок – упасть, и от мальчишки

В пруд – до срока – не хочу.

Сулемы хлебнув – на зов твой

Не решусь, – да и веревка

– Язык высуня – претит.

Коль совет тебе мой дорог, –

Так, чтоб разом мне и ворот

Разорвать – и город взять –

– Ни об чем просить не стану! –

Подари честною раной
За страну мою за Русь!

30 августа 1920

«Есть подвиги. – По селам стих...»
Есть подвиги. – По селам стих

Не ходит о их смертном часе.
Им тесно в житии святых,
Им душно на иконостасе.

Покрепче нежели семью
Печатями скрепила кровь я.
– Так, нахлобучив кулаком скуфью
Не плакала – Царевна Софья!

<1920>

ПЕТРУ
Вся жизнь твоя – в едином крике:

– На дедов – за сынов!
Нет, Государь Распровеликий,
Распорядитель снов,

Не на своих сынов работал, –
Бесам на торжество! –
Царь-Плотник, не стирая пота
С обличья своего.

Не ты б – всё по сугробам санки
Тащил бы мужичок.
Не гнил бы там на полустанке
Последний твой внучок.[21]

Не ладил бы, лба не подъямля,
Ребятчих кораблёв –
Вся Русь твоя святая в землю
Не шла бы без гробов.

Ты под котел кипящий этот –
Сам подложил углей!

Родоначальник – ты – Советов,
Ревнитель Ассамблей!

Родоначальник – ты – развалин,
Тобой – скиты горят!
Твоею же рукой провален
Твой баснословный град..

Соль высолил, измылил мыльце –
Ты, Государь-кустарь!
Державного однофамильца
Кровь на тебе, бунтарь!

Но нет! Конец твоим затеям!
У брата есть – сестра..
– На Интернационал – за терем!
За Софью – на Петра!

Август 1920

«Есть в стане моем – офицерская прямоть...»
Есть в стане моем – офицерская прямоть,
Есть в ребрах моих – офицерская честь.
На всякую муку иду не упрямясь:
Терпенье солдатское есть!

Как будто когда-то прикладом и сталью
Мне выправили этот шаг.
Недаром, недаром черкесская талья
И тесный ремённый кушак.

А зóрю заслышу – Отец ты мой рóдный! –
Хоть райские – штурмом – врата!
Как будто нарочно для сумки походной –
Раскинутых плеч широта.

Всё может – какой инвалид ошалелый

Над люлькой мне песенку спел..
И что-то от этого дня – уцелело:
я слово беру – на прицел!

И так мое сердце над Рэ-сэ-фэ-сэром
Скрежещет – корми-не корми! –
как будто сама я была офицером
в октябрьские смертные дни. [22]

Сентябрь 1920

«Об ушедших – отошедших...»
Об ушедших – отошедших –

В горный лагерь перешедших,
в белый стан тот журавлиный –
Голубиный – лебединый –

О тебе, моя высь,
Говорю, – отзовись!

О молодых дубовых рощах,
в небо росших – и не взрослых,
Об упавших и не вставших, –
В вечность перекочевавших, –

О тебе, наша честь,
Воздыхаю – дай весть!

Каждый вечер, каждый вечер
Руки вам тяну навстречу.
Там, в просторах голубиных –
Сколько у меня любимых!

Я на красной Руси
Зажилась – вознеси!

Октябрь 1920

ВОЛК
Было дружбой, стало службой.
Бог с тобою, брат мой волк!

Подышает наша дружба:
я тебе не дар, а долг!

Заедай верстою вёрсту,
Отсылай версту к версте!
Перегладила по шерстке, –
Стосковался по тоске!

Не взвожу тебя в злодеи, –
Не твоя вина – мой грех:
Ненасытностью своею
Перекармливаю всех!

Чем на вас с кремнем-огнивом
В лес ходить – как Бог судил, –
К одному бабье ревниво:
Чтобы лап не остудил.

Удержать – перстом не двину:
Перст – не шест, а лес велик.
Уноси свои седины,
Бог с тобою, брат мой клык!

Прощевай, седая шкура!
И во сне не вспомяну!
Новая найдется дура –
Верить в волчью седину.

Октябрь 1920

«Не называй меня никому...»
Не называй меня никому,
я серафим твой, легкое бремя.
Ты поцелуй меня нежно в темя,
И отпусти во тьму.

Все мы сидели в ночи без света.
Ты позабудешь мои приметы.

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Да не смутит тебя сей – Бог весть! –

Вздых, всполохнувший одежды ровность.

Может ли, друг, на устах любовниц

Песня такая цвезть?

Так и иди себе с миром, словно

Мальчика гладил в хору церковном.

Духи и дети, дитя, не в счет!

Не отвечают, дитя, за души!

Эти ли руки – веревкой душат?

Эта ли нежность – жжет?

Вспомни, как руки пустив вдоль тела,

Закаменев, на тебя глядела.

Не загощусь я в твоём доме,

Раскрепощу молодую совесть.

Видишь: к великим боям готовясь,

Сам ухожу во тьму.

И обещаю: не будет биться

В окна твои – золотая птица!

25 ноября 1920

ЧУЖОМУ

Твои знамена – не мои!

Врозь наши головы.

Не изменить в тисках Змеи

Мне Духу – Голубю.

Не ринусь в красный хоровод

Вкруг древа майского.

Превыше всех земных ворот –

Врата мне – райские.

Твои победы – не мои!

Иные грезилась!

Мы не на двух концах земли –

На двух созвездиях!

Ревнителю двух разных звезд –
Так что же делаю –
Я, перекидывая мост
Рукою смелою?!

Есть у меня моих икон
Ценней – сокровище.
Послушай: есть другой закон,
Законы – кроющий.

Пред ним – все клонятся клинки,
Все меркнут – яхонты.
Закон протянутой руки,
Души распаханной.

И будем мы судимы – знай –
Одною мерою.
И будет нам обоим – Рай,
В который – верую.

Москва, 28 ноября 1920

«Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе...»
Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь – прельщусь – смущусь – рванусь.
О милая! – Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прошусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб на сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпрастаю руки! – Стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен
– Смерть – выбью! Верст на тысячу в округе
Растоплены снега и лес спален.

И если всё ж – плеча, крыла, колена
Сжав – на погост дала себя увести, –
То лишь затем, чтобы смеясь над тленом,
Стихом восстать – иль розаном расцвести!

Около 28 ноября 1920

«Целовалась с нищим, с вором, с горбачом...»
Целовалась с нищим, с вором, с горбачом,

Со всей каторгой гуляла – нипочем!
Алых губ своих отказом не тружу,
Прокаженный подойди – не откажу!

Пока молода –
Всё как с гуся вода!
Никогда никому:
Нет!
Всегда – да!

Что за дело мне, что рваный ты, босой:
Без разбору я кошу, как смерть косою!
Говорят мне, что цыган-ты-конокрад,
Про тебя еще другое говорят...

А мне что́ за беда –
Что с копытом нога!
Никогда никому:
Нет!
Всегда – да!

Блещут, плещут, хлещут раны – кумачом,
Целоваться я не стану – с палачом!

Москва, ноябрь 1920

(ВЗЯТИЕ КРЫМА)
И страшные мне снятся сны:

Телега красная,
За ней – согбённые – моей страны

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Идут сыны.

Золотокудрого воздев

Ребенка – матери

Вопят. На паперти

На стяг

Пурпуровый маша рукой беспалой

Вопит калека, тряпкой алой

Горит безногого костыль,

И красная – до неба – пыль.

Колеса ржавые скрипят.

Конь пляшет, взбешенный.

Все окна флагами кипят.

Одно – завешено.

Ноябрь 1920

«Буду выпрашивать воды широкого Дона...»

Буду выпрашивать воды широкого Дона,

Буду выпрашивать волны турецкого моря,

Смуглое солнце, что в каждом бою им светило,

Гулкие выси, где ворон, насытившись, дремлет.

Скажет мне Дон: – Не видал я таких загорелых!

Скажет мне море: – Всех слез моих плакать – не хватит!

Солнце в ладони уйдет, и прокаркает ворон:

Трижды сто лет живу – кости не видел белее!

Я журавлем полечу по казачьим станицам:

Плачут! – дорожную пыль допрошу: провожает!

Машет ковыль-трава вслед, распушила султаны.

Красен, ох, красен кизиль на горбу Перекопа!

Всех допрошу: тех, кто с миром в ту лютую пору

В люльке мотались.

Череп в камнях – и тому не уйти от допросу:

Белый поход, ты нашел своего летописца.

«Я знаю эту бархатную бренность...»
Я знаю эту бархатную бренность

– Верней брони! – от зябких плеч сутулых
– От худобы пролегшие – две складки
Вдоль бархата груди,

К которой не прижмусь – хотя так нежно
Щеке – к которой не прижмусь я, ибо
Такая в этом грусть: щека и бархат,
А не – душа и грудь!

И в праведнических ладонях лоб твой
Я знаю – в кипарисовых ладонях
Зажатый и склоненный – дабы легче
Переложить в мои –

В которые не будет переложен,
Которые в великом равнодушии
Раскрытые – как две страницы книги –
Застыли вдоль колен.

2 декабря 1920

«Прощай! – Как плещет через край...»
– Прощай! – Как плещет через край

Сей звук: прощай!

Как, всполохнувшись, губы сушит!

– Весь свод небесный потрясен!

Прощай! – в едином слове сем

Я – всю – выплескиваю душу!

8 декабря 1920

«Знаю, умру на заре! На которой из двух...»
Знаю, умру на заре! На которой из двух,

Вместе с которой из двух – не решить по заказу!

Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!

Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!

С полным передником роз! – Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Прорезь зари – и ответной улыбки прорез...
Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

Москва, декабрь 1920

«Короткие крылья волос я помню...»
Короткие крылья волос я помню,
Метущиеся между звезд. – Я помню
Короткие крылья
Под звездною пылью,
И рот от усилья сведенный,
– Сожженный! –
И все сухожилья –
Руки.

Смеженные вежды
И черный – промежду –
Свет.
Не глядя, а режа
По брэнной и нежной
Доске – вскачь
Всё выше и выше,
Не слыша
Палач – хрипа,
Палач – хруста
Костей.
– Стой!
Жилы не могут!
Коготь
Режет живую плоть!
Господь, ко мне!..

То на одной струне

Этюд Паганини.

декабрь 1920

ПОЖАЛЕЙ...

– Он тебе не муж? – Нет.

Веришь в воскрешенье душ? – Нет.

– Так чего ж?

Так чего ж поклоны бьешь?

– Отойдешь –

В сердце – как удар кулашный:

Вдруг ему, сыночку, страшно –

Одному?

– Не пойму!

Он тебе не муж? – Нет.

– Веришь в воскрешенье душ? – Нет.

– Гниль и плесень?

– Гниль и плесень.

– Так наплюй!

Мало ли живых на рынке!

– Без перинки

Не простыл бы! Ровно ссыльно-

Каторжный какой – на досках!

Жестко!

– Черт!

Он же мертв!

Пальчиком в глазную щелку –

Не сморгнет!

Пес! Смердит!

– Не сердись!

Видишь – пот

На виске еще не высох.

Может, кто еще поклоны в письмах

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Шлет, рубашку шьет...

– Он тебе не муж? – Нет.
– Веришь в воскрешенье душ? – Нет.
– Так айда! – ...нагрудник вяжет...
Дай-кось я с ним рядом ляжу...
Зако – ла – чи – вай!

Декабрь 1920

«Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь...»
Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!

То шатаюсь причитает в поле – Русь.
Помогите – на ногах нетверда!
Затуманила меня кровь-руда!

И справа и слева
Кровавые зевы,
И каждая рана:
– Мама!

И только и это
И внятно мне, пьяной,
Из чрева – и в чрево:
– Мама!

Все рядком лежат –
Не развесть межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?

Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белый стал:
Смерть побелила.

– Кто ты? – белый? – не пойму! – привстань!
Аль у красных пропадал? – Ря – азань.

И справа и слева

И сзади и прямо
И красный и белый:
– Мама!

Без воли – без гнева –
Протяжно – упрямо –
До самого неба:
– Мама!

Декабрь 1920

Примечания

1
Крест, на каком-то собрании, сорванный с груди солдатом и надетый на грудь Керенскому. См. газеты лета 1917 г. М. Ц.

2
Бальмонт, выслушав: – Мне не нравится – твое презрение к девке! Я – обижен за девку! Потому что – (блаженно-заведенные глаза) – иная девка... Я: – Как жаль, что я не могу тебе ответить: – «Как и иной солдат...»

3
NB! с ненавистью – как мне тогда показалось, и весь этот стих – ответ на этот – классовой ненависти – взгляд. М. Ц. – 1938 г. – при переписке.

4
Рассказ владимирской няни Нади.

5
Богема (фр.).

6
«Не раскидывайте мои письма!» (фр.)

7
NB! Птицы были – пьяные.

8
NB! Я уже тогда поняла, что это: «Да, и солдаты должны чистить своих лошадей!» (Москва, лето 1917 г. – речь на Московском Совещании) – куда дороже всего Керенского (как мы тогда говорили).

9
Красавец мрачный! (фр.)

10
Красный флаг, к<отор>ым завесили лик Николая Чудотворца. Продолжение – известно (примеч. М. Цветаевой).

11

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Поили: г<оспо>жу де Жанлис. В Бургундии. Называлось «la miauléе». И жила, кажется, до 90-ста лет. Но была ужасная лицемерка (примеч. М. Цветаевой).

12
Любили (примеч. М. Цветаевой).

13
NB! Очевидно, нужно понять: Бог всё-таки прав, прав – вопреки

14
Моя вторая дочь Ирина – родилась 13-го апреля 1917 г., умерла 2-го февраля 1920 г. в Сретение, от голода, в Кунцевском детском приюте.

15
Дни, когда Мамонтов подходил к Москве – и вся буржуазия меняла керенские на царские – а я одна не меняла (не только потому, что их не было, но и) потому что знала, что не войдет в Столицу – Белый Полк!

16
Господу – мою душу,
Тело мое – королю,
Сердце – прекрасным дамам,
честь – себе самому (фр.).

17
NB! Если бы дровосеку! (примеч. М. Цветаевой)

18
Правила хорошего тона, осанка (фр.).

19
NB! Даже труд может быть – отвратителен: даже – чужой! если он в любовь – навязан и в славословие – вменен. М. Ц. – тогда и всегда.

20
Здесь: бывшему из бывших (фр.).

21
В Москве тогда думали, что Царь расстрелян на каком-то уральском полустанке (примеч. М. Цветаевой).

22 NB! Эти стихи в Москве назывались «про красного офицера», и я полтора года с неизменным громким успехом читала их на каждом выступлении по неизменному вызову курсантов.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru>/ Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

Стихотворения 1916–1920 годов. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!